

**АЛЕКСАНДР
СТЕПАНОВ**

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Там Южный Крест, там океан...237
Был у меня друг Володька Путин...238
Наверно мига нет чудесней...239
На беду стремительный и жгучий...239
Хлеб 241
Гимн водке 242
Штангист 243
Смерть Петра 245
Я понимаю речь реки...247
К иллюстрациям 250

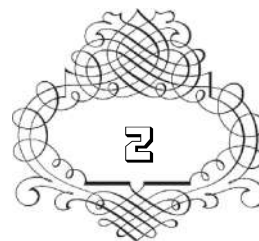
Александр

Нынче небо, небо чистое...203
 Мужик – скрипач...203
 Ты куда улетела, шалунья? 204
 Горит оплывшая свеча...204
 У тебя глаза...206
 Не важно, кто ты – чех, полячка...206
 Не печалься, дорогая...207
 Грусть 208
 Романс 209
 Врач инстинктивно скорчил рожу...210
 Почему ты обходишь меня ...211
 Ну, кому какое дело...211
 У тебя, Федь, хорошая мама...212
 Отвар из остро-пёстро...214
 Холод. Папироска...215
 Старый дом и старый телек...216
 Я оттопырил нижнюю губу...217
 Иллюзия, чудачество, обман...218
 То, падая, то, вверх взлетая...218
 Я поеду, ёлки-палки...219
 Известно, радости и беды...220
 Козерог 222
 Мандрагора 223
 Силиконовая долина 225
 Я слышал будто в Данию...230
 Как-то встретились два беса...232
 На горе да на пригорке...234
 В безбрежных водах океана...234
 Эх, печали-канители...235

АЛЕКСАНДР
СТЕПАНОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Стихотворения

Волгодонск
2015

84 Рос 6
С 79

Степанов А.В.

Собрание сочинений. Т. 2. :
Стихотворения / Александр Владимирович
Степанов. – Волгодонск : Самиздат, 2015. –
263 с.

Во втором томе собрания сочинений
собраны стихотворения, ранее
опубликованные в сборниках: *«От Земли к
небесам»*, *«Короткий разговор»*,
«Стихотворения», *«Радость в непогоду»* а
также переводы.

Как серёжки золотые...174
Коли лампу вы разбили...175
Враг – отец, вражина – мать...175
С экзамена 176
Иосиф Джугашвили (С грузинского) 178
Чаша с ядом 178
Анатолий Костецкий (С украинского) 180
Сколько дел у лета 180
РАДОСТЬ В НЕПОГОДУ 181
Уходили казачьи сыны на войну...182
Веселитесь до поры...183
У казака – закон свой да воля...184
Над Доном стояла когда-то станица...185
Я был совсем простым солдатом...186
Уеду я в Задоно-Кагальник...187
Приметил мужика высокорослого...189
Славно до рассвета...190
Опять идут корявые дожди...191
Опять затеял ветер перебранку...191
Едем вместе с женою в Сибирь...193
Из века в век мою Россию...194
Я в осеннем лесу заплутал, словно пёс...194
Закричали поутру вороны...196
Слякоть, апрель, воскресенье...196
Луна-шпионка, лоб наморщив бледный...198
Тучка села солнцу на макушку...198
Праздний день, обычный праздник...199
Звезда 201
Я купил себе лопату...202

Ночь. Темно. Мы сидим...	151
Когда роса упала на цветы...	152
Искал я губы твои...	152
Ну, почему никто не пьёт?	153
Рак	154
Жизнь моя – безымянная повесть...	156
Как капитан глядит он вдаль...	156
Хитрый петух	156
Дворник и метла	158
Вор	159
Известно, время и вода...	160
Ягуары	161
Мне наплевать на то, что было...	163
Юные не думают про смерть...	163
В мальчишескую пору...	163
Зубы есть – пометим «теза»...	164
Уходили наши на восток...	165
Человеку всё не в прок...	167
Прошло немало трудных дней...	167
Бог, точно, время не творил...	168
Я не люблю дешёвой лести...	168
ПЕРЕВОДЫ	169
Леся Украинка (С украинского)	170
Лето красное минуло...	170
Сосна	171
Иван Франко (С украинского)	172
Корми гадюку молоком...	172
Богач	173
Гнев как огонь...	174

* * *

Погляжу налево – поле,
погляжу направо – травы,
обливает душу болью
суеты сует трава.

Упаду на землю пьяный,
мураву-траву целую.
Я прошёл пешком все страны,
не встречал траву такую,

Она ластится, как кошка,
лизет щёки мне прохладой,
счастлив я совсем немножко,
а мне большего не надо.

Не ищу продажной славы,
не хочу дешёвой лести.
Только поле, только травы
не торгуют своей честью.

Всё моё всегда со мною:
есть деревня, есть природа.
Я живу своей землёю,
я дышу своей свободой.

А когда кричу от боли
иль когда во всём неправый,
меня нежно лечат поле
и волнующие травы.

«До свиданья, дядя Коля» 128
Я иду хмельна...130

Говорит хозяин: «Надо...» 131
Идёт по улице корова...132
Холодный ветер робкий лес...132
Отмахнул руками беды ...133
Много всяких спекуляций...134
Пишутся стихи, семья моя...135
Стала тёмною дорога...136
Шампанское, свечи...136

Мистер Твистер сделал стойку...137
Жил в столице когда-то палач...137
А на Дону...139

Мы 142

Не торопитесь в жёлтый дом...142
Твердим одно, а думаем другое...143
Послушайте, поэты, мудреца...143
Я пил вино и горько плакал...143
Опять идут корявые дожди...144
Пишут разные витии...144

Казалось, что не солнце...145
Сижу, пишу, сжигаю нерв...145
Ты почему не смотришь...146
У поэта есть прекрасный повод...146
Я, бедняк, просил у Бога...148
Я давно уж вырос из пелёнок...149
Все мы, вроде, как сбоку...149
Заблудился я где-то во времени...150
Сегодня Путин у меня в гостях...151

У меня есть друг Ахмат...110
 Диалог 110
 Мне жизнь не жизнь...111
 То ль от Бога, то ль от супостата...111
 Выпиваю стакан чаю...112
 Валя пальчиком нажала...112
 Если ваши папы асы...112
 Я его сегодня спас, ибо...113
 Ярко светит газ неон...113
 Она была красива и смела...113
 Где-то были тут очки...113
 Люди гибли за металл...114
 Говорят, что у непальцев...114
 Над полями и лугами...114
 Холодной смерти желтизна...115
 Мы спешим по жизни...115
 Разъярилось жаркое Ярило...116
 Всю ночь бушевала природа...116
 Беспросветными злыми ночами...117
 Не уеду из родной сторонки...117
 Душа заболела? Эка беда...117
 СТИХОТВОРЕНИЯ 119
 Живут дворовые коты...120
 По Романовской станице...120
 Я брожу с утра по городу...123
 А сколько у поэта за душой? 123
 Под Луною на поляне...124
 Угодно было небу...125
 Улыбнись, моя душа...127

ДОЖДЬ

Ветер свистнул соловьём разбойным,
 пыль погнал, как стадо пастухи.
 Раскричались в полдень беспокойно
 на деревне нашей петухи.

Хотя моли, хоть проклинай природу,
 но опять, наверно, будет дождь.
 Мы б хотели ясную погоду,
 только петухов не проведёшь.

Вот уже холодные дождинки
 в пляс пустились сходу по земле
 и рисунки мокрые Кристинке
 стали рисовать на подоле.

Приподняв его чуть-чуть руками,
 от дождя спешит она во двор.
 Так цыплята в непогоду к маме
 под крыло спешат во весь опор.

Вслед ей тучи смотрят нелюдимо,
 и ворчит на всю округу гром,
 лишь сирень цветочным машет дымом,
 как собака добрая хвостом.

* * *

Я жил сто лет, а может миллион,
я видел всё, я всё на свете слышал:
собачий вой, и человеческий стон,
и воркованье голубей под крышей.

Я мудрым стал. Могу судить о том,
как жизнь прожить, об этом не жалея,
как человеком быть, а не скотом,
как от ярма свою избавить шею.

Меня уже ничем не удивить:
ни золотом, ни женщиной, ни словом,
я выпил всё и большего испить
никак нельзя из родника сухого.

Я время нёс, как бремя, на плечах
без жалоб на судьбу и без обмана.
Я – памятник, поставлен на часах,
в ногах давно умершего болвана.

Он вором был, лжецом и подлецом,
а кем ещё никто уже не знает.
Я добр и мудр, всё ведаю, при том
стою и прославляю негодяя.

Идут по полю босяки...98
Что, скажи, творится в этом мире...99
Попробуй разобрать, в чём суть...99
Кто «против» был, а кто был «за»...99
Всюду рухнувшие стены...100
Чем старше книга, тем ценней...100
Никчемны мы. Кто-то для нас...100
Сторона моя, сторонushка...101
Голубая кровь у королей...101
Я стремлюсь к небосводу...102
Всю ночь бесилась буря...102
Эпитафия 103
Как-то вздумал бес толочь...103
Потеряли тысячу, поплывите...104
Я бы в гости поехал к Кастро...104
Я не левый и не правый...104
Жизнь не на радость нам дана...105
Я не могу себя понять...105
Я, признаться, не мастак...105
Мухе всё до фонаря...106
Жало есть у кинжала...106
Ни к чему похвалы мне и лавры...107
Она в шампанском мыла тело...107
Ноги даны, чтоб носить сапоги...107
За столом идёт обед...108
Мистер Твистер сделал стойку...108
Вкус бывает кислым, пряным...109
Ах, на ляжке изменение...109
Он пошёл Е3 – Е2...109

Никакие циркуляры...86
 И вот с тобой мы снова тет-а-тет...87
 Мне дать тебе нечего...87
 У нас это часто бывает...88
 Лишь для тебя цветы цветут...88
 Твои губы как настойку...89
 Хоть деревья раздеты...89
 Хочешь красься, хоть не красься...90
 Я не видел давно белый свет...90
 Не сердись на меня, мой милый...90
 К любви ведёт широкая дорога...91
 Ой, беда, беда со мною...91
 Я не хочу молиться небесам...92
 Стране поэты не нужны...92
 А слёзы щёки бороздят...93
 Не таи в себе страх...93
 Свободы нет такой в природе...94
 В жизни шарады одни да ребусы...94
 Надеюсь, вы уже трезвы...94
 Где-то губит людей гроза...95
 Набивайте яствами утробы...95
 Открой журнал или газету...95
 Мы боролись за державу...96
 Мы людей не любим иностранных...96
 Что полезней мясо иль орешки...96
 Не спеша, но со сноровкой...97
 Всему своё. Плоть порождает плоть...97
 Если солнце вам светит в глаза...97
 Ох, и глупый вы народ...98

С У Д Ь Б А

Всё в мире по чину и рангам
 расставлено волей небес.
 За правым плечом моим ангел,
 за левым, естественно, бес.

Я чувствую, как за спиною
 они затевают борьбу
 и пишут строка за строкою
 мне новые главы в судьбу.

Что ждёт меня завтра – не знаю,
 тем более – через год,
 ведь всё за меня решают
 обычно ангел и чёрт.

Но тошно быть вечно в балбесах,
 занявшись своею судьбой,
 плюю я налево в беса
 и правой креплюсь рукой.

* * *

Я – последний листок на осинке –
 трепещу весь, и страшно боюсь,
 что подобно холодной дождинке
 о неведомое разобьюсь.

Одному тут тоскливо до жути,
ветер давит иссохшую грудь,
листья все пролетели, по сути,
это каждого сущего путь.

Только я, беспокойный листочек,
всё цепляюсь за жалкую нить.
Мне б ещё продержаться чуточек,
мне б ещё хоть мгновенье прожить.

Мне б ещё подрожать на свободе,
посмотреть на простор с высоты.
Я надеюсь на зло непогоде
разговаривать с небом на «ты».

Не хочу быть простым и послушным,
не хочу превращаться в раба,
раз судьба так ко мне равнодушна,
значит, это чужая судьба.

Я сойду с ней ещё в поединке,
надоела постылая власть.
Я – последний листок на осинке,
я её неотъемная часть.

Не нужны мне могучие крылья
и не нужен полёт роковой...
Только б силы мои не остыли,
только б воля осталась живой.

Тучи лбами, как бараны...75
Это глупо, конечно, но если б я мог...76
Искры кружат над костром...76
Сегодня Лувр и Эрмитаж...76
Похолодало. Осень мастерица...77
Лицо облепило снегом...77
Бесится снег на просторе...77
Гинкго 78
Алыча 78
Малина 78
Небо снежною кашей...79
Давно никто не верит в чудеса...79
Разбиты в щепы наши чёлны...79
Умолкли суетные птицы...80
Рампа. Свет, Оркестр...80
Любовь и ненависть...81
Как хорошо, когда не всё равно...81
Любовь и кровь неразделимы...81
Ты весёлая и мобильная...82
Если хочешь быть счастливым...82
Какое счастье взять и умереть...82
Закрою дверь не в комнату...83
Да, ну их, ссоры, пересуды...83
Я молчу, ты из-за чуши...84
Месяц с солнцем уснули вдвоём...84
Все дамы томны...85
От станции Любовь...85
Я тихо тронул струны у гитары...85
Ты, как всегда, мила и хороша...86

Буду, нет ли, я здоров...63
 Терзает человека беспокойство...64
 А вокруг всё ложь да слухи...64
 И гордыня с обманом...64
 Я живу, как ветер в поле...65
 Бог велик, - говорили нам пастыри...65
 Голова, моя голова...66
 Эй, россияне, как живём...66
 На Руси мужики лишь да бабы...67
 Не легко жить на зарплату...67
 А мы по-прежнему бедны...67
 Не правят больше старики...68
 Дурак иль умный – сразу не поймёшь...68
 Убивают ни зло и ни жалость...68
 Наконец-то, рухнул мир...69
 Родился, вырос Чингиз-хан...69
 С русским про Родину-мать...69
 Я вчера натюрморт написал...70
 Как хорошо быть добрым и счастливым...70
 Утром встаю спозаранку...70
 Под небом дождь, гроза, ненастье...71
 Бледнеют звёзд холодных лики...71
 Солнце спряталось за тучу...71
 Упала ночь на землю в грязь...73
 Ни цветочка, ни листочка...73
 Где лес стоял...74
 Есть отличная идея...74
 Мы шагаем по старой дороге...75
 Весна пропела ясные куплеты...75

Б А Н Я

Ну и баня, вот так баня,
 до чего же хороша!
 Спину парит дядя Ваня,
 к Богу просится душа.

Веник пляшет оголтело
 по ногам и животу,
 а душа, покинув тело,
 устремилась в высоту.

Выше чуть, ещё немного,
 впереди сверкает рай.
 «Мужики, за ради Бога
 кто-нибудь ещё поддай».

Мужики стараться рады,
 плещут воду из ковша.
 Коли надо, значит, надо,
 веселится пусть душа,

отступает пусть забота,
 забывается беда.
 Хорошо, что есть суббота
 и что в бане есть нужда.

* * *

Ветер свищет чёрту в трубы,
снег хватает в горсть,
забывается под шубу,
как незваный гость.

Кони мчатся без дороги,
удила грызут,
очумев, возница строгий
подымает кнут.

Ни конца степи, ни края,
ни примет, ни вех.
Сзади скачет волчья стая,
топчет свежий снег.

Осенил крестом возница
голову и грудь:
«Выручайте, кони-птицы,
поднажмите чуть.

Помогите, дорогие,
отвести беду».
Захрипели вороные,
как больной в бреду.

Не печалься, дорогая...35
Я письма шлю, но нет на них ответа...36
Алтынай 37
Бледнолицая с тонкими пальцами...39
У меня ни кожи ни рожи...40
Женщине 41
Я не плачу ничуть, дорогая...43
Солнце, слякоть, рухнула дорога...43
Маме 44
Чуть не год здесь тучи не гостили...46
Дочери 47
Ещё едва окрасился восток...49
Он лижет руки влажным языком...50
Надеваю шляпу, нож беру...51
Девочка играет на рояле...52
Змея 54
На улице непогода...55
Снегирь присел на веточку...57
Свеча и окурок 57
КОРОТКИЙ РАЗГОВОР 59
Время, как бокал вина...60
Чем дольше век...60
Бог детей целует только раз... 60
Ты радостно смеёшься... 61
Что лучше, правда или ложь...61
Не копайтесь в душах своих, люди...61
Старый дом, тихий дворик укромный...62
Все невзгоды и беды...62
Боимся мы, что смерть ударит...63

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ ЗЕМЛИ – К НЕБЕСАМ 5

Погляжу налево – поле 6

Дождь 7

Я жил сто лет, а может миллион...8

Судьба 9

Я – последний листок...9

Баня 11

Ветер свищет черту в трубы...12

У нас живы ещё былины...14

Поэт был зол, и говорят, несносен...14

Кончен бал, разъезжаются гости...16

Хорошо в деревне ночью...17

У каждой боли собственный оскал...19

Шут 20

В Рязани древней иль в Твери...22

Торопиться не надо...24

Проехали чуть – остановка...25

Говори, как умеешь...26

Сегодня снова именины...27

Не жалеите ноги, милые лошадки...28

О чем грустишь, любимая моя...29

Я иду по улице...29

На лицо её гляжу я...30

Отгремел грозовой перезвон...31

Больные губы, тусклый взгляд...32

Берёзка милая, дай, обниму тебя...33

Посадите сирень...34

Будет, нет ли у погоны
в эту ночь конец?

Вдруг нырнули в небо кони,
как в туман пловец.

То ли черти, то ли тучи
снег бросают зло.

Облегчённо крякнул кучер:
«Эка, пронесло».

Волки, головы понутив,
собрались в кружок.
Пот стекал по мокрым шкурам,
как с берёзы сок.

«Ничего, – сказал Вожатый, –
день пройдёт иль пять,
будет им за то расплата,
надо подождать. –

Снег хватил голодной пастью, –
Ну, пошли отсель,
знать, не нам сегодня счастье
намела метель».

* * *

У нас живы ещё былины,
цветёт кипреем старина.
Луна, как долька мандарина,
оранжева и чуть сочна.

Кричат по-старому вороны
и всё по-прежнему – к беде,
деревья топят свои кроны
в бездонном небе, как в воде.

Нередко древние старушки,
по рюмке выпив за столом,
поют любимые частушки
на старый лад да о былом.

Болят от слов знакомых души,
всплывает прошлого тоска.
Вот так бы век старушек слушал,
но жизнь, к несчастью, коротка.

* * *

Поэт был зол и, говорят, несносен,
когда остался в Болдино один.
Но эта осень, золотая осень,
вдруг, встала на колени перед ним.

3. Стр. 249.

В собственном кабинете. Хутор Потапов
Ростовской области
(2006 год)

Брат Павел в лаборатории во время учёбы в
Томском государственном университете
(1960-е годы).

4. Стр. 250.

С мамой и женой в с. Серебрянка
Новосибирской области
(1990-е годы).

С мамой, женой и дочерью. Село Серебрянка
(1990-е годы).

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. Фронтиспис. А.В.Степанов. Фотография (2000-е годы).

2. Стр. 48. С семьёй (тёща Лидия Яковлевна Феденкова, жена Валентина Ивановна, сын Владимир) г. Куйбышев 1971 год.

В редакции газеты «Трудовая Жизнь»: слева Быков Иван Иванович – заместитель редактора, справа Лазарчук Евгений Александрович – редактор. 1990-е годы

3. Стр. 72. С мамой. Серебрянка. 1970-е годы.

В Москве. 1996 год.

С женой и дочерью Жсней. Новосибирск. 1984 год.

4. Стр. 118. Выступление на фестивале «Донская осень». Город Волгодонск. 2015 год.

На выставке авторских книг, посвящённой Дню города, с библиотекарем Ольгой Анатольевной Чернуха. Город Волгодонск. 2015 год.

И понял он, не всё так безнадежно,
есть в каждой ситуации добро.
А тут и осень золотая нежно
вложила в руку острое перо.

Мол, ты пиши, а я побуду рядом,
забудь про всех, они все далеко,
любуйся мной, моим цветным нарядом
и пей свободу, как своё клико.

Узнал поэт, что осень – это муза,
а вдохновенье – сладостный угар,
который для глупцов – всего обуза,
а для творцов – необычайный дар.

Блистали мысли и рождались строки,
укладывались в прозу и стихи.
Так не творили боги и пророки,
так не страдал крестьянин у сохи.

Но дни прошли, закрыли тучи просинь,
угасло вдохновенье на ветру.
За всё спасибо, Болдинская осень,
помощник и товарищ по перу...

И в наше время, как всегда, за летом
приходит осень, бродит средь людей,
как будто ищет на земле поэта,
чтоб нравился до умиления ей.

Она бывает в нашей деревушке,
глядит на всех, но сердце – на замок.
Эх, Пушкин, Пушкин, Александр Пушкин,
зачем ты музу так собой увлёл?

* * *

Кончен бал, разъезжаются гости,
карты брошены в ящик стола.
Кринолины шуршат. Боливары и трости
подаёт человек из угла.

На булыжниках стонут кареты,
кучера матерятся со сна.
По ступенькам спускаясь, поэту
подаёт томно руку жена:

«Ах, топ sheer, вы, похоже, устали,
вам опять не понравился бал?»
«Что вы, что вы, неправда, Наталья,
я сегодня совсем не скучал.

Кавалеры и старые дамы
веселили меня до утра,
я на них сочинял эпиграммы,
жалко, не было рядом пера.

Кстати, были смешные повесы,
шутовские б на них колпаки»...

«Ах, mon cher, вы знакомы с Дантесом?»
«Я ему посвятил две строки».

Не отсюда ль кровавая драма
потянула сюжетную нить?
«Александр, твоя эпитафия
наповал его может убить».

«Это было бы слишком жестоко,
не палач я, а просто поэт...
Но до Бога, Наталья, далёко,
а у нас справедливости нет».

А в ответ Натали ни словечка,
мол, не к спеху сегодня ответ...
Но ждала уже Чёрная речка,
и готовил Дантес пистолет.

* * *

Хорошо в деревне ночью.
Воздух сладостный и сочный
освежает грудь.
Петухи кричат спросонку:
кто навстречу, кто вдогонку,
кто куда-нибудь.

А на небе тёмно-синем
звёзды, словно апельсины,

как арбуз – Луна,
ночь идёт со мной в обнимку,
погулять на дармовщинку,
как и я, хмельна.

Комары пищат над ухом,
совы стонут, как старуха,
глухо лают псы.
За околицей в сторонке,
как мальчишки и девчонки,
шепчутся овсы.

Я, пока что суть да дело,
прижимаюсь к ночи телом,
поцелуй дарю.
Ночь-красавица в ударе
мне в ответ в полнеба дарит
раннюю зарю.

От такого поворота
сердцу хочется фокстрота,
ласки да тепла.
Я танцую сам с собою
под зевающей Луною
посреди села.

И не вижу, как соседи
тётя Надя с дядей Федей
смотрят на меня,

Ты людей святых гнал от церкви вон,
а из рук кормил немчуру и мразь.

Ну, прощай, прости, слёзы льёт народ,
кто от горести, кто наоборот.
И сейчас ещё спорят стар и мал:
что ты дал стране, что у нас украл.

* * *

Я понимаю речь реки,
а также речь костра.
Всю ночь мне шепчут огоньки
про то, как ты добра.

Про то, что нет тебя милей,
и что красива стать...
Ты на руке лежишь моей.
Ну, что тут понимать!

Царь вздохнул во сне, захрипел и стих,
ощетинил ус, как колючки ёж.
Не забудь нас Бог, а его прости,
даже если он не совсем хорош.

Но душа ещё не ушла во мрак,
хоть ей с телом уж и ни склад, ни лад.
Оберни-ка, Пётр, перед смертью зрак
на свои дела да на их расклад.

Ты и водку пил, ты табак курил,
ты и женщин всех до одной любил.
А холопов, царь, ненавидел ты,
для тебя они были как скоты.

Ты губил народ, не жалел людей
ты бояр своих убивал как мух,
у тебя для них было сто плетей,
было сто причин, были сотни мук.

Тебя звал народ: сатана и чёрт,
сына ты убил, сам своей рукой.
У тебя грехи только первый сорт,
не видал таких человек простой.

Ненавидел ты колокольный звон,
веру русскую затоптал ты в грязь.

а приветливое утро
посыпает перламутром
траву у плетня.

* * *

У каждой боли – собственный оскал,
у каждой смерти есть свои причины.

На каждого солдата генерал
приходится по жизни и по чину.

Не сетуй, друг, что не сбылись пока
ни чаянья твои, ни ожидания,
и что в стихи корявая строка
ложится чаще твоего желанья,

что иногда приходится кричать,
стонать от боли или от позора,
губить себя, терять отца и мать
и руку жать, порой, глупцам и вора.

Не верь тому, что грозная судьба
твой жалкий жребий занесла в скрижали,
ты вспомни, как ВЕЛИКИЕ раба
в своей душе работой убивали.

Пусть кто-то лижет вору сапоги,
прогнувшись страстно в нужную минуту.
Быть может, пощадят его враги,
и даже, может, не затронут смуты.

И, может быть, он долго проживёт
без страсти, без нужды и без печали.

Так беззаботно прозябает скот,
и ржавчина ютится на металле.

А ты попробуй боль перетерпеть,
презреть обиды ради светлой цели,
за счастье близких наплевать на смерть
и за любовь стреляться на дуэли.

Ш У Т

Богачи живут,
всяк король да туз,
а шутихе шут,
что корове гнус.

Приказали ей
целоваться с ним,
до утра гостей
потешать срамным.

Не до шуток тут,
не до глупых рож.
Той шутихе шут
и не люб, не гош.

Он вонюч и сед,
непригож и глуп.

СМЕРТЬ ПЕТРА

Умирает царь Алексеич Пётр,
он глаза закрыл, мочи к жизни нет.
Все вокруг враги, только смертный одр
оградил его от земных сует.

Перед смертью миг – жизни всей итог.
Хочешь, нет ли – всё пред тобой пройдёт.
Говорят, наш мир обожает Бог,
но и жертву ждёт ненасытный чёрт.

У царя душа, как у всех, одна,
ей дорога в рай или, может, в ад.
Рассудите нас: при Петре страна
шла вперёд всегда, никогда назад.

Царь не пил зазря и зазря не ел,
он учился сам и учил людей,
о России он день и ночь радел,
дураков же гнал от себя взашей.

Много сделал он, бил врагов, как псов,
научил он их ненавидеть Русь.
Он на хлябь воздвиг чудо град Петров,
хорошо ли то – я судить боюсь.

Я стал чемпионом, кричите: «Ура!»
Юпитеров блеск и от света жара,
а кто-то к ногам уже бросил цветы.
Медаль, поцелуй... Это, впрочем, мур.
Я нынче со славой на ты.

Не долго, однако, я жил как король,
вмешался на горе мне допинг-контроль,
и вмиг надо мной разразилась гроза.
И все результаты мои просто ноль,
а тренер не смотрит в глаза.

И вот я как есть. Вроде жил и не жил,
выходит, напрасно я рвался из жил,
добыл лишь позор и дырявый карман.
Конечно, я это бы всё пережил,
но как пережить мне обман.

К истории этой, возможно, мораль
была бы нужна, но утешит едва ль
она хоть кого-то из наших друзей.
И как объяснить, что штангиста печаль
железа в сто раз тяжелей?

Он и дед – не дед,
а курячий пуп.

Целоваться с ним,
что любить врага,
что лечь в гроб живым...
Только власть строга.

Вытер рожу шут,
покраснел, как клоп,
гости пьют и ржут:
«Ну, давай, холоп!»

Тот взглянул вокруг,
головой поник...
Ой, да, видно, друг,
а не враг старик.

Ой, он сед – не сед,
ой, он стар – не стар,
ой, да этот дед
лучше всяких бар.

Бросил шут колпак
на немый пол:
«Чем со мною так,
лучше уж на кол».

Подпитой палач
на расправу скор.
Тут хоть бабий плач,
хоть мужской укор.

Среди зла и слёз
кто бы знал о том,
что Иисус Христос
этим был шутом.

* * *

В Рязани древней иль в Твери
на Рождество у церкви стылой
стоял монах возле двери
по прозвищу Иван Кобыла.

Нет, он не зря в такую рань
пришёл и дрогнет на морозе,
он с прихожан собирает дань
на монастырь «за ради Бозе».

Ему дают, перекрестясь,
кто от щедрот, а кто от страха,
и только со княгиней князь
прошли, не глядя на монаха.

Кобыла царственной чете
крестился, кланялся для вида

Выпью рюмку под селедку,
да ещё – под огурец.
Только водка,
только водка
и начало, и конец.

И зачем шуметь без толку,
всё равно нагрянет смерть.
Только водка,
только водка
помогает умереть.

ШТАНГИСТ

Борюсь не с железом и не с притяженьем,
а только с собой и своим напряженьем.
Последний подход, я иду на рекорд.
Я жду этот миг целый год с нетерпеньем
и публика тоже, наверное, ждёт.

Чтоб стать чемпионом, не надо чудес,
достаточно взять этот бешеный вес,
и сразу великий закончится пост.
Тут каждый старается, кто не балбес,
толкнуть посильнее помост.

Я ругнулся (каюсь, грешный),
брат подобное сказал.

Разом всё осточертело:
и работа, и обед.
Нету хлеба – нет и дела,
аппетита тоже нет.

ГИМН ВОДКЕ

Жизнь – шалава, а погодка
ей под стать на ять и еть.

Только водка,
только водка
помогает душу греть.

Две-три стопки
вылью в глотку,
и не плачу, а смеюсь.
Только водка,
только водка
радикально лечит грусть.

Подзову к себе молодку,
выпьем с ней, чтоб не скучать.
Только водка,
только водка
мужиком поможет стать.

и тут же клялся на кресте
не забывать своей обиды.

То были злые времена,
беда гонялась за бедою,
междоусобная война
сменялась язвой моровою.

Пожары, голод, степняки
искали на Руси поживу.
И лишь Кобылы земляки
за князем оставались живы.

Когда он выступал в поход,
гонять хазар иль сарацинов,
то славы пел ему народ
и «Любо!» – рывкала дружина.

Монахи в кельях, как в гробах,
писали в летописях: «В лето
князь (имярек) был во трудах
и то-то делал или это».

Кобыла тоже сел за стол,
достал перо, как меч из ножен,
и написал, что князь был зол,
бесчеловечен и безбожен,

губил он маленьких детей,
монахов грабил для забавы.
Народ всегда таких людей
звал окаянными по праву.

Казалось бы, какой пустяк,
три строчки в летописи, малость!
Да и писал-то их босяк...
Всё это так, но нам осталась

от старины, от княжых дел
лишь эта кляуза монаха.
Да, чёрный ворон перепел
потомка князя Мономаха.

Его деяния – позор,
его добро – давно уж злое.
А вот Кобыла до сих пор
живёт с протянутой рукою.

* * *

Торопиться не надо,
придержи-ка коня.
Здесь всегда тебе рады,
отдохни у огня.

Напою тебя брагой
до больной головы

ХЛЕБ

До работы мы охочи:
я стучу, и брат стучит.
Валим лес и, между прочим,
нагоняем аппетит.

Я обманывать не стану,
за столом мы не глядим,
если выпьем по стакану,
то быка за раз съедим.

В полдень сели на полянке.
Жёны наши в этот раз
в сумку сунули солянку,
огурцы, лучок и квас;

положили яиц гору,
колбасы огромный шмат,
три десятка помидоров,
двух зажаренных цыплят.

«Старорусскую» разлили.
Брат сказал мне: «Саша, встань,
и пока ещё не пили,
хлеб из сидора достань».

Догадались вы, конечно,
что там хлеб не ночевал.

Он ложился тяжело на крыши,
на дорогу, женские зонты.
То ли сам, то ль по велению свыше
заморозил поздние цветы.

Ивы вдоль дороги приуныли,
распустили косы до земли,
сколько не стонали, не молили,
помощи дожидаться не смогли.

Снег на зло, как белые тряпички,
повисал нахально на ветвях,
и они ломались, словно спички,
и смеялся кто-то в небесах.

До утра дурачилась стихия,
всех пугая, всё, что есть, круша...
Точно так во времена лихие
расцветет, вдруг, чья-нибудь душа,

и тот час укору, подозренья
лягут на неё, как тяжкий снег,
и согнёт её от напряженья,
и погибнет в горе человек.

и с тобою прилягу
на охапке травы.

Пусть за нами шпионит
голубая луна.
У природы на лоне
я от счастья пьяна.

Рядом шепчутся тени,
мельтешат, как в кино.
Спит беспечно деревня,
в душу льётся вино.

* * *

Проехали чуть – остановка,
пробка невдалеке.
Я, как божья коровка,
в холодной твоей руке.

Крылышки расправляю,
готов лететь хоть в огонь,
но снова меня накрывает
твоя ледяная ладонь.

Мне надо туда, где дети,
где воздух пропах стариной.
Но ты меня гнёшь, как ветер
гнёт тростник над водой.

Мечусь на руке в испуге,
чую ноздрями смерть.
Я, как в заколдованном круге,
всё не могу взлететь.

Но, вдруг, ты меня пожалела,
подбросила вверх — лети.
И вот мои мысли и тело
уже на другом пути.

От счастья кружусь, как в балете,
мечусь, как в костре огонь...
Я как-то и не заметил,
что вновь сел в твою ладонь.

* * *

Говори, как умеешь,
всё за правду приму.
Как лебёдку, за шею
я тебя обниму.

Жизнь свою загублю я,
не успеешь моргнуть,
за красу молодую
да за сладкую грудь.

Я целую — всё мало,
я от страсти больной.

Года идут на воле и на зоне,
а с ними крепнет наш авторитет.
Я, между прочим, важный вор в законе,
а он всего российский президент.

* * *

Наверно мига нет чудесней,
когда осенний лист цветной
под ветра яростные песни
кружится, словно заводной.

Нередко мы бываем строги,
но все же лучше нет поры,
когда деревья нам под ноги
бросают мягкие ковры.

И слёзы души наши ранят,
волнуется, как в детстве, грудь.
И только дворничихе Тане
листва не нравится ничуть.

* * *

На беду стремительный и жгучий
в сентябре холодный выпал снег.
Целый день его роняли тучи
на деревню нашу без помех.

Уйдут когда-нибудь глупцы
за нами в Океан забвений».
Тотчас матросы-мертвецы
метнулись к мачтам, словно тени.

И растворился Зурбаган,
в столетьях скрылся страшный берег.
Споткнувшись как-то, капитан
под ноги уронил свой череп.

* * *

Был у меня друг Володька Путин,
хороший малый, говорил смешно.
Он, дурачок, учился в институте,
а я ходил с девчонками в кино.

Не говорю о пиве и нарядах,
по этим пунктам был в стране завал.
Он каждый год работал в стройотрядах,
а я на рынке бабки добывал

Мы разошлись, всяк по своей дороге,
всяк взял свой след, чтобы наверняка.
По лагерям я обивал пороги,
а он в те дни был зам у Собчака.

Хоть бы солнце проспало
иль взяло выходной.

Валентине

Сегодня снова именины
не у кого-то — у жены.
Мой первый тост за Валентину,
второй — за тех, кто влюблены.

Кто любит, тот достоин чести,
кто ждёт и помнит — тот герой,
и славны те, кто всюду вместе,
глаза в глаза, рука с рукой.

Любитесь, будьте посмелее,
целуйтесь, главное — почин,
не зря же день любви затеял
святой угодник Валентин.

Какая прелесть — именины!
Какой же праздник без вина?
Спеши скорее, Валентина,
бери бокал и пей до дна.

Звенят хрустальные бокалы,
а с ними души заодно...
Всю ночь меня ты целовала,
хоть праздник кончился давно.

* * *

Анастасии Загородной

Не жалейте ноги, милые лошадки,
нам дорога – скатерть, жизнь полна усад.
Словно ожерелья, звёздочки-лампадки
на груди у ночи весело горят.

Машут нам деревья, как друзья, руками
на попутный ветер да на лёгкий бег,
будет нам удача за семью горами,
за семью морями – сладостный ночлег.

Нам Луна дорогу поливает светом,
словно двери в горницу распахнулась даль.
Не жалейте, милые, снежного паркета,
бейте, кони, вдребезги ледяной хрусталь.

Меня мысли греют. Упиваясь счастьем,
распеваю песни на весёлый лад,
может, их услышит девушка Настасья,
может, встретить выбежит в полушубке в сад.

Может быть, обнимет, расцелует страстно,
зимней ночью яблони зацветут в саду.
Настасия, Настенька, мир такой прекрасный,
где такой же радостный я ещё найду.

Не морозы, не метели,
а совсем наоборот,
чтобы птицы свиристели,
и мычал домашний скот,

чтобы травы зеленели,
самоцветилась роса...
Легче было б, в самом деле,
уходить на небеса.

* * *

Там Южный Крест, там океан,
там берег с жаркими цветами...
Лежит в руинах Зурбаган,
как волк, израненный клыками.

Роняют бомбы небеса,
метут свинцовые метели,
погибло всё, лишь паруса
на старой шхуне уцелели.

Под стать ей старый капитан,
видавший все моря и страны,
вздыхнул: «Прости им, Зурбаган,
увечья все свои и раны.

Мужики стояли чинно,
говорили кто о чём,
бабы были беспричинно,
большей частью, о своём.

Ребятишки с интересом
заглянуть пытались в гроб.
Старики жалели: «Если б
проводжал Егора поп,

то тогда его молитвы
не пропали б, так и знай,
поп Егорушке калитку
приоткрыл бы прямо в рай».

Хоть никто не сомневался,
что Егор наверняка
сам собою в рай подался,
не дождаь проводника.

Просто нет иной дороги
для него на свете том.
Жизнь свою он без подмоги
прошагал, считай, пешком.

Были дети, были бабы,
строил бани и дома.
Все бы ладно, только кабы
было б лето не зима...

Не считайте, кони, вёрсты этой ночью,
нам дорога – скатерть, нет на ней преград.
Поспешайте, милые, бубенцы пророчат
вам – покой и негу, мне – цветущий сад.

* * *

О чём грустишь, любимая моя,
обиделась иль так затосковала?
Твоя коса – гремучая змея
через плечо показывает жало.

Кричи иль смейся, только не молчи,
будь, как всегда, язвительной и храброй.
Не зря глаза горят, как две свечи
в покрытых позолотой канделябрах.

Скажи, что я во многом виноват,
ступил не так, смеюсь ли без причины.
Тогда, быть может, свечи прогорят,
змея, быть может, уползёт на спину.

* * *

Я иду по улице. Ох, деревня-мама,
на тебя любят люди с давних пор.
Вон, надев на головы жёлтые панамы,
смелые подсолнухи лезут на забор.

У забора курицы в пёстреньких нарядах
плавают, как лодочки по волнам, в пыли,
петухи надменные проплывают рядом,
ну, точь-в-точь готовые к бою корабли.

Я иду деревнею, сам себе хозяин,
никому не должен, всё по нраву мне.
Воробьи вихрастые драмы сочиняют,
и играют музыку пчёлы в вышине.

Здравствуюсь с прохожими, земляки
встречают
кто приветной репликой, кто простым
кивком.

А моя любимая приглашает к чаю,
посидеть ей хочется в тишине с дружкой.

Угощай, любимая, колдовскими взварами,
выпью всё до капельки, не пролью на пол.
Я, сказать по совести, за твоими чарами,
за твоею ласкою вдоль деревни шёл.

* * *

На лицо её гляжу я,
сердце так и мрёт.
Ну, зачем красу такую
людям Бог даёт?

Они не ведают страданий,
им неизвестен тяжкий труд,
они не ищут пропитанья,
они себе подобных жрут.

Сожрать старуху иль младенца,
родных, товарищей, врагов
без соли, сахара и перца
любой из них всегда готов.

И все довольны, у гурманов –
кулинария без затей.
Такая жизнь у тараканов!
А впрочем...
как и у людей.

* * *

Эх, печали-канители,
гнать бы в хвост вас со двора.
Не дожив до ста неделю,
умер дед Егор вчера.

Вроде ясная потеря,
сотня лет – что за дела.
А вот надо, вся деревня
проводать его пришла.

* * *

На горе да на пригорке
мягкий коврик из травы.
«Приходи туда, Егорка,
пообщаемся на «вы».

Я сплету тебе веночек
из ромашек и лилей.
Я хочу немного дочек
и побольше сыновей».

«За околком куст зелёный,
а вокруг цветут цветы,
приходи туда, Алёна,
пообщаемся на «ты».

Ни к чему мне твой веночек,
не плети его, не вей.
Сколько надо – будет дочек,
сколько хочешь – сыновей».

* * *

В безбрежных водах океана
на самом дне в холодной мгле
живут морские тараканы,
как их собратья на земле.

А к красе и ум, и речи,
стан – как стебелёк.
Зря породу человечью
так балует Бог.

Чую, душу мою губят,
словно страшный яд,
эти чувственные губы,
этот томный взгляд,

соблазнительные речи,
беззаботный смех.
Засвечу я Богу свечи:
«Не введи во грех.

Я давно живу с женою,
не хочу иной.
Обойди нас стороною,
искуситель мой».

* * *

Отгремел грозовой перезвон,
отшумели шальные дожди,
засветился Луны медальон
у вселенной на тёплой груди.

Кто-то доброй и щедрой рукой
расплескал по земле благодать.
Славно вместе с такою Луной
о приятном о чём-то мечтать.

Хорошо бы вернуться домой
победителем зла и невзгод,
чтобы ты полуночной порой
ожидала меня у ворот.

Гром ударил, как траурный звон,
дождь деревню в воде растворил.
Кто-то чёрной рукой медальон
на груди у вселенной закрыл.

Улетели куда-то мечты.
Я стою под дождём у плетня.
Не пришла на свидание ты,
знать, нисколько не любишь меня.

* * *

Больные губы, тусклый взгляд,
дыханье, словно стон больного...
Я выпил яд, ужасный яд –
любви смертельную основу.

Нет ни спасенья, ни конца
и не начать уже с начала,

Словно лошади в загоне
да на пашне день-деньской.
Ни каких тебе симфоний,
ни кино, ни боже мой».

«Я пошёл другой дорогой, –
бес второй раззявил рот. –
Я людей совсем не трогал,
делал всё наоборот».

Я сказал им: «Хватит, братцы,
жить в оковах и цепях,
за свободу надо драться
да на совесть, не за страх.

Кто-то вздумал взять свободу,
а другой не стал давать,
и пошли тогда народы
за свободу воевать.

Хорошо друг друга били
(в двух словах не рассказать),
тем, которые в могиле
век свободы не видать».

Посмеялись громко бесы,
разошлись всяк при своём.
Бесы – явно мракобесы,
ну, а мы здесь ни при чём.

Тогда б уж точно в Дании
на холод тот внимания
любой из ихних граждан
не стал бы обращать.
А мы же от сознания,
что защитили Данию,
на зависть всей Европе
могли б и погулять.

* * *

Как-то встретились два беса
и заспорили они,
кто стал большим мракобесом
в предрождественские дни.

«Я, — сказал один из бесов, —
сильно людям насолил.
Я во всех краях балбесов
на престолы усадил.

А они своим народам
перекрыли кислород.
Ни науки, ни свободы
им никто уж не даёт.

ничто на свете мертвеца,
пока ещё не воскрешало.

Пустые хлопоты врачей,
друзей заботы и вниманье
не помогают мне ничем,
облегчить жуткие страданья.

Ещё вчера красив и смел
я жизнью шёл, как автострадой.
И как же я не разглядел
в её душе источник яда!

Не остерёгся, как юнец,
не испугался злого глаза.
Я знаю, мне пришёл конец,
как до того четыре раза.

* * *

Берёзка милая, дай, обниму тебя.
Нет, я не пьян, мне просто одиноко.
И над тобой, и надо мной трубят
холодные ветра нахально и жестоко.

Прижмись ко мне, согрейся на груди,
мы только так укроемся от стужи.
Ну, не сердись, постой, не уходи,
ведь и тебе мужик, наверно, нужен.

Я стану про тебя слагать стихи,
чтобы они по всем лесам звенели,
а ты листву отряхивать на мхи,
стелить её для нас вместо постели.

Мы покорим весь мир не волшебством,
а красотой, любовью и умением.
Как хорошо нам будет жить вдвоём,
без зависти, без злобы, без мученья.

Она вздохнула: «Жаждешь ты ответ?
Он будет честный, потому жестокий.
Страдай один, ты, говорят, поэт,
а все поэты вечно одиноки».

* * *

Посадите сирень
на могиле моей,
пусть прольёт она тень
на неё как елей.

Чтобы ранней весной
разгоревшийся цвет,
охранял мой покой
от волнений и бед.

С утра сегодня в Дании
послышались стенания,
и слезы водопадами
текут из глаз датчан.
Хоть убегай из Дании
куда-нибудь в Испанию,
где солнце греет ласково
гражданок и граждан.

Болит душа за Данию!
Когда бы знать заранее,
что стужа из России
накроет датский край,
мы чуткость и внимание
для этой самой Дании
задаром проявили бы,
мол, только наших знай!

С усердием и старанием
собрали б мы для Дании
фуфайки, одеяла,
сибирские пимы.
Из чувства сострадания
отправили б мы в Данию
любимой самогоночки –
лекарство от зимы.

В Силиконовой долине
времена опять лихие,
страшно даже и подумать,
а не то, чтобы сказать.
Там опять дерутся насмерть
парни крепкие и злые,
и конца кровавой сечи
не слышать и не видеть.

* * *

Я слышал будто в Данию
идёт похолодание,
хотя во всей Европе
по-прежнему жара.
За что, скажите, Дании
такое наказание
и именно сегодня,
а скажем, не вчера?

Известно то, что ранее
не отличалась Дания
от остальной Европы
практически ничем.
А люди жили в Дании
почти что как в Германии,
как в Швеции, как в Англии
на зависть вся и всем.

Чтоб летела пчела
на её аромат,
чтобы вечная мгла
отступала назад.

Чтобы кто-то букет
на могиле сорвал,
и чтоб тысячу лет
он его согревал.

* * *

Не печалься, дорогая,
будет праздник и у нас.
Солнце встанет, снег растает,
жизнь порадует не раз.

Может быть, судьба-судьбина
приголубит нас с тобой,
жить поможет дочке с сыном
под счастливою звездой.

В дом к нам внучки соберутся,
чтоб проводить стариков,
молока они напьются,
наедятся пирогов.

Ну, а мы с тобой под старость
выпьем крепкого вина.

Если радость, значит радость,
навсегда и до пьяна.

* * *

Я письма шлю, но нет на них ответа,
пишу уже, наверно, в сотый раз.
Цветут цветы, поёт ночами лето,
но это всё, конечно, не для нас.

Я в степь ушёл, наполненный печалью,
порылся молча в памяти своей,
вот здесь когда-то травы нас венчали,
благословлял прохладою ручей.

Душа совсем обуглилась от горя,
но степь всё та, как девушка мила,
растит цветы, вплетает в косы зори
и кормит пчёл с девичьего стола.

Да стелет нам под ноги покрывала,
чтоб каждый мог прилечь и отдохнуть.
Ах, как легко на сердце сразу стало,
как глубоко вдохнула воздух грудь.

Лети, письмо, отсюда на край света,
там души всем стихами береги,
а я сегодня загуляю с летом
и степь прижму, как женщину, к груди.

В Силиконовой долине
подчинилось всё природе:
у людей тела – натура,
натуральный в них и дух.
Но на днях народ услышал,
что у чьей-то бабки, вроде,
непонятно как-то вырос
силиконовый лопух.

В Силиконовой долине
силикон почти забыли,
пустяками заниматься
было как-то недосуг.
Только тут случайно груди,
стали сказочно большими
у старухиных соседок
и старухиных подруг.

В Силиконовой долине
у мужчин окрепли уды,
и рождаться стали дети:
все, на зависть, крепыши.
Но вмешался вновь парламент.
По законам хитромудрым
объявил этих младенцев
силиконом без души.

распахали её мины
от начала до конца.

В Силиконовой долине
жизнь помчалась по ухабам,
от ударов и пожаров
испарился силикон.

Стали бабы плоскогруды,
мужики – слабы как бабы,
дети больше не рождались,
и не действовал закон.

В Силиконовой долине
на полях одна крапива,
на лугах – пырей ползучий
и, конечно, лопухи.

Все компьютеры зависли,
люди пьют вино и пиво,
и никто не различает
добродетель и грехи.

В Силиконовой долине
не осталось силикона,
от него витает только
непонятный бледный звук,
но и тот пером скрипучим
из родного лексикона
исключил на всякий случай
доктор всяческих наук.

А Л Т Ы Н А Й
(Восточная сказка)

Миром правит Багдад,
гордость всех мусульман –
лучший город земли, райский сад.
В светлый день уходил из него караван,
чтоб прославить вдали халифат.

Каравану вослед беспокойно глядит
молодая жена Алтынай.
Нынче муж её славный Гарун-аль-Рашид
вознамерился ехать в Китай.

Много, много добра у него в сундуках,
он, как мир, бесконечно богат.
Словно сыну ему помогает Аллах,
и гордится им славный Багдад.

Он прощался с женой, он давал ей наказ,
береги, мол, порядок и честь.
Не успеет сто раз совершиться намаз,
я пришлю тебе с голубем весть.

Говорила ему молодая жена,
прикрывая стыдливо лицо:
«Буду я, господин мой, как лебедь верна
и чиста, словно дочь пред отцом».

День в разлуке, как год,
а неделя, как век,
ожидание – каторжный труд.
Слёзы горным ключом
бьют и бьют из-под век,
по щекам её нежным текут.

Сто намазов уже отслужили давно,
только голубя нет, и в бреду
день за днём Алтынай
смотрит грустно в окно,
отвергая и сон, и еду.

Почернела она от любви и тоски,
зачерствела, как сыр, от обид.
«То ли тело твоё схоронили пески,
то ль забыл нас, Гарун-аль-Рашид?»

Ах, как сердце болит, как гнетёт тишина,
не на радость всё, а на беду...
И в безумии раз прошептала жена:
«Я сама господина найду».

Тонкий-тонкий кинжал, в нетерпенье дрожа,
сладострастно терзал её бок,
и над телом погибшим взлетела душа,
словно с крыши дворца голубок.

у людей из силикона
кровь помчалась по сосудам
не искусственным, как прежде,
а воистину живым.

В Силиконовой долине
силиконовый парламент
срочно принял очень важный
силиконовый закон:
чтоб лопух не рушил жизни
силиконовой фундамент,
надо вырвать его с корнем
и забыть, как страшный сон.

В Силиконовой долине
началась большая битва.
От мала и до велика –
все дрались за сорняки,
стали страшными проклятья
и ужасными молитвы,
и никто уже не думал,
что живёт не по-людски

В Силиконовой долине
поднялся отец на сына,
сын, как в библии писалось,
поднял руку на отца.
Силиконовые пули
расстреляли всю долину,

есть мобильники крутые,
скоростной есть интернет.

Он плетёт из силикона,
словно кружева, интриги,
оплетая на досуге
паутиной белый свет.

В Силиконовой долине
все дома из силикона,
бутерброды и напитки –
тоже чистый силикон,
силиконовые песни
изрыгают граммофоны,
управляет этим миром
силиконовый закон...

В Силиконовой долине
жил да был один садовник.
Как-то раз без силикона
он в саду взрастил лопух.
Этот *Lappa tomentosa*
стал волнения виновник
стариков из силикона
и подобных им старух.

В Силиконовой долине
лопухи прослыли чудом,
даже синхрофазотроны
уступили славу им,

«Вот теперь я в Китай, там разлуке конец,
там не будет ни горя, ни слёз»...
В это время навстречу ей голубь-гонец
от любимого весточку нёс.

* * *

Бледнолицая с тонкими пальцами,
выгнув шею в долгий поклон,
словно лебедь, она над пальцами
улетает в узорчатый сон.

В нём цветочки, тычинки да пестики,
да ручьи, да большой водопад.
Друг за другом неспешные крестики
по канве собираются в ряд.

Смотрит сонно луна из заоблачья:
«Спать пора, за окошком темно».
«Мне осталось чуть-чуть, этой полночью
я одна не усну всё равно.

За день вроде бы всё переделала,
так что руки болят и спина.
Мне бы в ночь убежать, да отбегала, –
улыбнулась печально она. –

Отлюбила уже, а страдания
гложут сердце моё, словно пёс.

Всё обман, в том числе обещания...
Поскорей бы сыночек подрос.

Он не будет бесстыжим прелестником,
не погрязнет, надеюсь, в гульбе.
А пока он растёт, мелким крестиком
я латаю прорехи в судьбе».

* * *

У меня ни кожи, ни рожи,
лишь волосатая грудь.
О, милосердный мой Боже,
дай мне счастья чуть-чуть.

А большего мне и не надо,
большого мне не снести.
Горькая гроздь винограда
выросла на пути.

Она не приносит утехи,
а лишь головную боль.
Радости все и успехи
вытравил алкоголь.

Я людям давно уж не нужен,
и мне не нужен свой дом.
Вот и обида, как стужа,
душу покрыла льдом.

Потому, я точно знаю,
без собаки той от зла
мандрагора никакая
вам бы в жизнь не помогла.

СИЛИКОНОВАЯ ДОЛИНА

В Силиконовой долине –
силиконовые люди,
силиконовые бабы,
силиконовая грудь.
Мужики из силикона,
силиконовые уды,
все стройны и загорелы,
все красивые, аж жуть.

В Силиконовой долине
все общаются друг с другом,
вместе ходят в рестораны,
на бега и на хоккей.
Силиконовые парни
силиконовым подругам
помогают делать крепких
силиконовых детей.

В Силиконовой долине
есть компьютеры и книги,

чтоб не слышать мандрагоры
ненароком страшный вой.

Потому что этим воем,
корень, словно ультразвук,
убивает всё живое
на десяток вёрст вокруг.

Подбери с земли добычу,
принеси её домой,
и, как требует обычай,
корень с тщанием помой.

Промокни его тряпицей
да помельче измелчи,
заверни в платок крупицы
и суши два дня в печи.

Изготовь хмельное зелье,
дай народу натошак,
пусть получают все веселье,
даже кто не весельчак.

А когда навеселитесь
и начнёте сладко жить,
не забудьте, потрудитесь,
пса достойно схоронить.

Я знаю, что так жить не гоже,
но всё не могу найти,
о милосердный мой Боже,
истинного пути.

Так дай мне хоть капельку света
и дай уголёк из костра.
Милостью той обогретый,
может, дождусь утра.

ЖЕНЩИНЕ

Не знаю, как о том сказать,
чтоб без обиды и укора.
Жена ты, грешница и мать —
основа счастья и позора.

Скорей всего не ты дала
ни смерти, ни любви начало,
но семена добра и зла
ты, безусловно, высевала.

И пожинала урожай
всегда сама и в полной мере,
порой был горьким каравай,
порой нелёгкими потери,

порою втоптывала в грязь
тебя безжалостная сила
и насыщала похоть всласть
за то, что верно ей служила.

А ты вставала иль ползком
тащилась, как во сне, с постели,
чтобы кровавым молоком
кормить ребёнка в колыбели.

Но в то же время ты сильна
таинственной особой властью,
какая только у вина
ещё имеется, к несчастью.

К тебе великие мужи
на свет, как бабочки, летели,
одни служили, как пажы,
другие гибли на дуэлях.

Толпа восторженных гуляк
ловила жадно твои взоры,
а после ссор и передряг
клеямила сызнова позором.

Нет, нет, тебя я не виню,
мадонна ты или блудница...
Я просто в колокол звоню,
чтоб к сердцу твоему пробиться.

что крепки ещё рога,
и зовут ещё подруги,

что красив и чуток бег,
в скачке устали не знает,
и что глупый человек
рядом с ним не обитает.

МАНДРАГОРА

Чтоб помочь лихому горю
и изведать благодать,
надо корень мандрагоры
непреренно отыскать.

Мандрагора – царь всех зелий,
корень-маг и чародей –
в скалах прячется по щелям
от зверей и от людей.

Тёмной ночью, когда ворон
наклюётся спелых звёзд,
привяжи покрепче корень
псу паршивому за хвост.

Сам укройся за пригорок,
уши пальцами закрой,

КОЗЕРОГ

Всё на свете ерунда,
жалко лишь одно немного,
что живого Козерога
не встречал я никогда.

Знаю, прячется в горах
длиннорогая скотина.
Он купается в снегах
и траву жуёт в долинах.

На вершины снежных гор
пробирается по кручам,
и, как старый Святогор,
на рогах качает тучи.

Он стоит среди снегов
неподвижно, словно йога.
Звёзды смотрят на него
из созвездья Козерога.

А козлу до их проблем
нет ни дела, ни заботы.
Он всю доволён тем,
что живёт в таких высотах,

что кругом одни снега,
и, как волки, воют вьюги,

* * *

Я не плачу ничуть, дорогая,
то не слёзы, а солнца блик...
Не жалею ни о чём, умирая,
мы прощаемся лишь на миг.

Я земную выпил отраву,
всё что сделал, то сделал сам,
пусть друзьям остаётся слава,
и прощенье – моим врагам.

Ну, а мне ничего не надо,
поцелуй только скорбно в лоб
да заплачь, когда из ограды
понесут с моим телом гроб.

* * *

Солнце, слякоть, рухнула дорога.
Снег, кряхтя как старый дед, осел.
То весна, ступая понемногу,
в наш приходит северный предел.

Помаленьку, тихо, шаг за шагом
пробирается по высохшей траве.
Голубое небо вьётся флагом,
и туман – фатой на голове.

Мужики глядят на её стати:
«Прям, как баба, язви её мать,
полежать с такой бы на кровати
и спокойно можно умирать.

Или лучше, убежать за нею
на край света собачонкой вслед,
про любовь нести ей ахинею,
и такое ж получать в ответ».

Эх, мечты,
всё глупости, не боле,
и весна — не баба в шушуне.
Кстати, скоро выезжаем в поле,
и не дремлют жёны по весне.

Маме

Я объехал весь свет,
я пешком прошагал всю Россию.
Как красива она,
и просторы её широки,
и туманы её,
как мечты у людей, голубые,
и живут по стране
замечательные мужики.

Они грозили кулаками,
знакомых кляли и родню
и обзывали дураками
друг друга сотни раз на дню.

Сказали им друзья на это:
«Так жить соседям не к лицу,
сходите что ли за советом
к судьбе, а лучше к мудрецу».

Мудрец внимательно прослушал
соседа первого рассказ,
рукой махнул он: «Язви душу,
ты прав не раз, а много раз».

Второй сосед, явившись следом,
всё рассказал. Ему в ответ
мудрец сказал: «Забудь про беды,
ты прав, сомнений в этом нет».

У мудреца жена не дура,
но и она удивлена:
«Ты был не прав, солгав им, гуру».
«Ну, что ж и ты права, жена».

Проявлю и я сноровку,
подсеку наверняка.
Удивительно, как ловко
съела рыба червяка.

Из садка глядит с укором
на меня несчастный ёрш.
Не гляди, ещё не скоро
в котелок ты попадёшь.

Я, скорей всего, сегодня
отпущу тебя домой,
пусть в твоей реке холодной
будет праздник водяной.

Ты расскажешь там, что люди,
в том числе и рыбаки,
всех ершей безмерно любят,
но, конечно, по-людски.

Неумывакину А.Л.

Известно, радости и беды
гнездятся в наших головах.
Однажды с дури два соседа
рассорились и в пух, и в прах.

Побывал я в Москве,
поклонился церквушкам и храмам,
посмотрел чудеса
золочёных кремлёвских палат.
Только нет там тебя,
дорогая любимая мама,
значит, доли там нет,
значит, надо вернуться назад.

Поезд мчит на восток,
вот Сибирь, вот и колки густые,
вот деревня моя,
вот встречать выбегает родня.
Да, земля хороша
и, конечно, прекрасна Россия,
только вся эта прелесть,
наверное, не для меня.

Поцелую твои
чуть дрожащие тёплые губы,
расскажу о своей
бесшабашной и пьяной судьбе.
Как легко мне с тобой,
как слова твои добрые любы,
я за этим стремился,
родная, в деревню к тебе.

Пролетели года,
как и встарь меня манит дорога,

второпях уезжаю
зачем-то в чужие края.
Помолись за меня,
попроси мне удачи у Бога
и живи много лет,
как любовь и опора моя.

* * *

Чуть не год здесь тучи не гостили,
видно, плохо принимали их.
Лес дымил, поля вокруг пылили,
солнце не присело ни на миг.

Постепенно, день за днём от зноя
умирал рассудок, тишь и гладь,
солнце убивало всё живое,
хоть его должно бы породить.

И молили Бога мы и чёрта,
чтоб послали дождь или туман,
пусть чуть-чуть, уж нам не до комфорта,
жизнь и так не балует сельчан.

Но молчали черти все и боги,
затаили на деревню зло:
– Жив остался? Что ж живи, убогий.
– Умер что ль? Считай, что повезло.

Вот шаг вперёд, ещё полшага,
ещё чуть-чуть: отсель – досель.
Нужны и сила, и отвага,
чтоб покорить любую цель.

Я претерпел, прошёл, продрался,
я нахвтался с неба звёзд
и, наконец, сюда добрался...
О Боже! Это ведь погост!

* * *

Я поеду, ёлки-палки,
не в круиз, не на курорт,
а с друзьями на рыбалку,
если только кто возьмёт.

Я клянусь: на этом свете
мне не надо ни шиша,
лишь поймать бы на рассвете
настоящего ерша.

Подержу его в ладонях,
уколось о плавники...
Предо мной, как будто кони,
скачут резво поплавки.

* * *

Иллюзия, чудачество, обман,
а может, просто недоразуменье?
По Волгодонску стелется туман,
как по душе наивной наважденье.

Он наполняет улицы, дворы,
как наполняют молоком стаканы.
Весна, весна, чудесней нет поры
для искренней любви и для обмана.

Туманом застилает нам глаза,
не спрятаться, не скрыться от природы,
она на души капает бальзам
и прогоняет вечные невзгоды.

И я совсем не чувствую беды
от этого вселенского обмана.
Пришло тепло, всюду цветут сады –
источник волгодонского тумана.

* * *

То падая, то вверх взлетая,
а то по ровному пути
куда-то я всю жизнь пытаюсь
дойти, добраться, доползти.

За грехи, за подлость, за бездушье
судят нас, иль просто за пустяк
пропадают человечьи души
из-за чьих-то склок и передраг?

Тишина. Молчок. Мы ждём ответа
от того, кто должен отвечать.
Только не валите всё на лето,
ведь у вас, не у него печать.

ДОЧЕРИ

Твои глаза – сверкающий хрусталь,
который веселит и гонит тени.
Не дай, Господь, чтоб некогда печаль
могла в них поселиться хоть на время.

Гони её, как безобразный сон,
как хмурый день. Тебе к лицу улыбка.
Она – души поющий саксофон,
доверчивой любви – святая скрипка.

Коль хочешь видеть, веселей гляди,
а хочешь жить, так улыбайся шире,
шагай смелей, там ангел впереди,
он сохранит тебя в безумном мире.

* * *

Я оттопырил нижнюю губу,
а мог бы верхнюю, но не было желанья,
и дунул во все лёгкие в трубу,
что дирижер сказал: «Даёт, каналья!»

Я разом выдул ноты «до» и «си»
от первой до двенадцатой октавы,
крестились люди: «Боже, упаси»,
другие восхищались: «Боже правый!»

Оркестр заглох. Меня не перепеть,
куда им всем беспомощным и слабым.
Моя труба для их искусства – смерть
от приступа грудной или сердечной жабы.

Кричали люди: «Слава!» и «Позор!»,
свистели громко, топали ногами.
Растерянный и жалкий дирижёр
маячил, словно тень, перед глазами.

Он бормотал под нос: «Дружище Сакс,
ведь есть на свете вечные законы!»
Смеялся я. Так утверждался джаз,
тот день был днём рождения саксофона.

и закроют вежды
взор мой полупьяный.

Господи, дай силы,
всеблагой и мудрый,
за грехи помилуй,
разбуди наутро.

* * *

Старый дом и старый телек,
старый стул и старый дед.
Жизнь прошла, и нету денег,
даже бабки в доме нет.

На часах уснули стрелки,
час назад прошёл обед,
ждут немытые тарелки,
только бабки нет, как нет.

Книга старая на полке,
покосившийся буфет.
В старом сердце воют волки,
но молчанье им в ответ.

* * *

Ещё едва окрасился восток,
и я ещё не вылез из постели,
а за окном проснулся ветерок,
и зазвенели тихо свиристели.

Прильнул к окну. Да вот они сидят,
лишь руку протяни, красивые хохлатки.
Ну, слава Богу, вслед за ними март
идёт, зиме оттапывая пятки.

Вот повезло, все радости за раз:
рассвет, весна и неземное пенье,
а тут ещё, как будто на заказ,
святое и благое воскресенье.

Я улыбаюсь, слёзы на глазах:
такой вот миг – есть жизни оправданье.
Ликует мир, всё в розовых тонах,
всё – доброта, и всё – очарованье.

Весь день хожу, как будто в добром сне,
как будто кто-то подарил подарки,
как будто с детством я наедине
весной гуляю в посветлевшем парке.

* * *

Он лижет руки влажным языком
и тёплым носом сунулся в ладони.
Я тоже был таким же вот щенком –
беспомощным, испуганным тихоней.

Я тоже многим руки целовал,
искал тепла в чужом жестоком взгляде.
Но резал он меня, словно кинжал,
и разбирал, как волосы, на пряди.

Скулил я по ночам, где только мог
просил тепла и чуточку участия.
Меня пинали, и сбивали с ног,
и гнали вон на улицу в ненастье.

А вот теперь я – старый хитрый пёс,
я не даюсь, кому попало, в руки.
Всё сам беру, я многих перерос,
мне не страшны ни встречи, ни разлуки.

Пройдёт совсем, совсем немного дней,
щенок окрепнет, и привыкнет к дракам,
и станет сам кобель из кобелей,
отменной дворовой собакой.

Друзей про остро-пёстро
всех просветил подряд.
«Спасибо, Калиостро!» –
их жёны голоса.

Секрет про остро-пёстро
узнала вся страна.
«Спасибо, Калиостро!» –
теперь кричит она.

* * *

Холод. Папироска.
Бестолковый вечер.
За окном берёзка
разгоняет ветер.

Горевать не стану
ни за что, ей-богу.
Выпью два стакана,
посижу немного.

Вспомню про былое,
помолюсь для виду,
побранюсь с женою,
выскажу обиду.

Завалюсь в одежде
поперёк дивана,

Вспомню я и хорошую маму
да и папу, что тоже ништяк
и твою, Федь, паскудную даму,
что меня продала за коньяк.

Я пишу тебе, Федь, без обиды.
Слово дал я себе самому,
что тебя раздавлю, словно гниду,
а за Вальку отправлюсь в тюрьму.

Не волнуйся, мой друг, твоя мама
вместе с папой схоронят тебя,
пусть просторной твоя будет яма,
пусть Валуха подохнет, скорбя.

* * *

«Отвар из остро-пёстро
поможет тем, кто слаб», —
учил нас Каллиостро,
большой любитель баб.

О, Боже, как всё просто!
Глотнул глоток и на...
«Спасибо, Каллиостро!» —
кричит моя жена.

* * *

Надеваю шляпу, нож беру с корзинкой
и шагаю по лесу весел и здоров.
Как подруга добрая, узкая тропинка
вслед за мною ходит в поисках грибов.

Я ищу под деревом, роюсь под кустами,
по полянке ползаю — всё напрасный труд.
Вдруг, осинка машет красными флажками,
подходи, мол, ближе, здесь они растут.

Бурундук отчаянный в полосатой шубке
на полянку выскочил. Смелый, видно,
«гусь»...

Вижу ба..., к берёзке прячется под юбку,
ни стыда, ни совести, в это время груздь.

Извини, красавица, убери-ка ножку,
я нахала этого заберу с собой,
дома малость вымочу, присолю немножко,
славный будет парень на столе зимой.

Бурундук доверчивый на пенёчке моется,
я гляжу — не верится, что творится тут!
Рыжие опята возле пня пристроились
и его, как матушку, полным ртом сосут.

Сыроежки-девочки встали хороводом,
от смущенья рдеются, кто-то их смешит.
Сколько здесь грибного водится народа,
всяк кусочек лакомый иль красив на вид!

Мухомор-папаша, после сна зевая,
вывел на прогулку всех мухоморят,
веселятся дети, не подозревая,
что в крови их кроется смертоносный яд.

Впрочем, это глупости, просто разговоры,
коль боишься яда, то не лазь в кусты.

Не пинайте бестолку, люди, мухоморы
ведь без них чуть чуточку меньше красоты.

Наконец, набегался, нагулялся всласть я.
Хоть корзина лёгкая (в ней один лишь
груздь),
но в душе три пуда радости и счастья,
я сегодня с вами этим всем делюсь.

* * *

Девочка играет на рояле
пальчиками тихо дрень да дрень,
перед ней на сцене в школьном зале,
как мальчишка, пляшет майский день.

ты привёл с собой девочку Валю,
говорил, что у вас с ней роман?

Пили мы коньяки и мадеру
ты сказал мне без обиняков,
что с Валюхой вам надо квартиру.
Для тебя я на всё был готов.

Ну, а утром Валюхины предки
привели на квартиру ментов.
Через месяц мне за малолетку
насчитали десяток годов.

А недавно дошли сюда слухи,
я не мог бы поверить вовек,
будто с помощью этой Валюхи
стал ты, Федя, большой человек.

Будто пьёшь коньяки в «Англетере»,
ездишь в Лондон, Мадрид и Париж,
не в моей, а в шикарной квартире
проживаешь ты как нувориш.

Знаешь, Федя, всё в мире конечно,
скоро кончится, Федя, мой срок.

Я приеду домой и конечно,
вспомню всё, что забыть я не смог.

Её мама, как наседка,
папа, как свирепый дог.
Моя Машка – малолетка,
значит, мне положен срок.

Хоть и любим мы друг друга,
то не ставится на кон.
Я подвёл свою подругу,
а меня подвёл закон.

И кому он только нужен,
и зачем на лоб печать?
Я бы мог хорошим мужем
и отцом хорошим стать.

* * *

У тебя, Федь, хорошая мама,
да и папа твой тоже ништяк.
Вы болеете все за «Динамо»,
ну, а я за московский «Спартак».

Вы бываете на стадионах,
лично знаете всех игроков.
Я пишу тебе, Федя, из зоны
для таких вот как я дураков.

Помнишь, может, с тобой мы гуляли,
заходили в ночной ресторан,

У мелодии простые звуки
без претензий всяких и затей.
Майский день, раскинув в пляске руки,
делается ярче и теплей.

Он девчонке кланяется низко,
погулять на улицу зовёт.
Обо всём забыла пианистка,
кроме ей одной послушных нот.

В зале пусто. Лишь один мальчишка
слушает наивную игру.
Майский день, обидевшись, вприпрыжку
побежал по школьному двору.

По лицу его промчались тучи,
затянули васильковый взор,
гром ударил, и с небесной кручи
хлынул дождь на этот школьный двор.

Мы тогда и не подозревали,
что грозы весенний перестук,
вызвали девчонка у рояля
и её притихший в зале друг.

ЗМЕЯ

В полдневный жар среди прокосов,
где проходил случайно я,
вся в чёрном от хвоста до носа
на солнце нежилась змея.

Меня увидела, лениво
сжимаясь траурной петлёй,
она вальяжно и красиво
скользнула над густой стернёй.

И сразу вспомнились рассказы
про сказочных жестоких змей,
как эти самые заразы
кусали женщин и детей.

И как они плевались ядом,
как сеяли среди люда страх.
«Давить без жалости их надо», –
подумал я тогда в сердцах.

Змея ускорила немного,
ища спасенье на лугу.
«А, впрочем, я вершить за Бога
чужие судьбы не могу.

* * *

Почему ты обходишь меня,
не стоишь как всегда у ворот?
В твоём доме, считай, что три дня
даже солнце и то не живёт.

В подворотне ворчливый Барбос,
не пускает к дверям и окну,
всё рычит распроклятый прохвост,
словно чует за мной вину.

А вина-то моя – не вина,
а скорей несчастливый билет.
Ты, к несчастью, чужая жена,
ну, а мне ещё мало лет.

* * *

Ну кому какое дело
пью я пиво или чай?
Залетела, залетела
моя Машка невзначай.

Мама душу рвёт и тело,
папа пьёт четыре дня.
Залетела, залетела
моя Машка от меня.

Не проходи бесстрастно мимо,
замедли шаг и оглянись.
Ах, как бегут неудержимо
мимо тебя любовь и жизнь.

* * *

Врач инстинктивно скорчил рожу,
присел брезгливо на кровать,
пощупал пульс: «Диагноз тот же.
А улучшения не видать.

Три раза в день валериану,
женьшень, пустырник, копытень,
успокоительную ванну
три иль четыре раза в день;

и отмените все свиданья,
с утра до вечера – покой:
влюблённые заразны крайне,
как заболевшие чумой».

Ползи себе, Господь с тобою,
раз ты змея, то будь змейей».
Она кивнула головою
и скрылась в зелени густой.

И я пошёл, и было славно
в душе, как не было давно.
Мотив какой-то православный
в меня вливался, как вино.

* * *

На улице непогода:
слякоть, холод и мрак.
Плачет навзрыд природа,
кашляет осень в кулак.

Возле избушки клёны
насквозь промокли, как псы,
прячут под крышу со стоном
розовые носы.

Кто-то холодной рукою
стукнул с размаху в окно,
тусклой коптящей свечою
отозвалось оно.

«Кто там?» – В ответ ни слова.
Лишь ветра собачий вой
да жалобный стон кленовый
слышатся над избой.

Ворон крикнул тревожно,
чуя, быть может, беду...
Ох, загуляла безбожно
осень в этом году.

Бродит, как побирушка
в каждый стучится дом.
Горбится деревушка
под проливным дождём.

Клонятся долу ивы,
что ни поклон, то вздох,
ветер их пышные гривы
в землю втоптал, как мох.

Сердце сжимает тревога,
не было так отродясь.
Хоть бы молитва до Бога
как-нибудь добралась.

Еле плетётся время,
каждый час по чуть-чуть.
Страшно, что Бог не отменит
эту осеннюю жуть.

И только, может быть, при новой встрече
под шелест лет
припомнится далёкий тёплый вечер,
каких уж нет.

РОМАНС

Как листья, годы увядают,
но ты по-прежнему юна.
Я без тебя опять скучаю,
словно без музыки струна.

Нет для меня ни дня, ни ночи,
ни вдохновения, ни сна,
и только горести пророчит
мне злой колдуньей тишина.

Остановись хоть на мгновенье,
давай, останемся вдвоём.
К ногам твоим я лягу тенью,
чтоб не мешать тебе ни в чём.

Не стану я тебе перечить,
что хочешь, делай, – промолчу.
Я не хочу разлук, и встречи,
поверь, я тоже не хочу.

Ну, а мы с тобой под старость
выпьем крепкого вина.
Если радость, значит радость,
навсегда и до пьяна.

ГРУСТЬ

Прошла вся жизнь, а кажется неделя.
Я встретил Вас.
И мысли, словно птицы, улетели
в осенний час.

А души, будто рощи в лихолетье,
роняют грусть
на скромные цветы и на соцветья.
Ну, что же... пусть.

Я Вам чужой, и Вы совсем чужая.
По существу,
в бреду, в несчастье Вас, я твёрдо знаю,
не позову,

не позвоню, не напишу ни слова,
о чём тут речь.
Я не хочу гореть, как свечка, снова
и Вас обжечь.

* * *

Снегирь присел на веточку,
нахохлился и зря.
Его, как щёки девочкам,
раскрасила заря.

О чём, снегирь, печалишься?
Взгляни на небосвод.
Весна идёт красавица,
тепло с собой несёт.

А ты не в настроении.
Снегирь вздохнул: «Беда,
привык я жить под пение
метелей в холода.

Тепло меня не радует,
грущу я под капель.
Лететь отсюда надобно,
искать свою метель».

СВЕЧА И ОКУРОК (Басня)

Свеча стояла на столе,
а рядом с ней дымил окурок.
Он был чуть-чуть навеселе
и думал лишь про шуры-муры.

«Отстань, замызганный охнарь, —
свеча сказала, мимо глядя, —
я свет даю, словно фонарь,
а ты — лишь дым с табачным ядом».
«Ну, ну, — ответил ей бычок, —
твой свет и вправду нынче ярок.
Но погоди, пройдёт часок,
и будешь ты — простой огарок.
Твори хоть зло, а хоть добро,
а что получится в итоге?
Соврать мне не позволят Боги,
наш путь в помойное ведро.

И сотрясается планета
в безумных чувственных страстях.

Лечения нет от той напасти,
но всё ж влюблённые глупцы
в бреду надеются на счастье,
как прежде деды и отцы.

Проходят дни, проходят годы,
проходит всё, и лишь тогда
мы сознаём, что те невзгоды,
всего лишь блажь и ерунда.

* * *

Не печалься, дорогая,
будет праздник и у нас.
Солнце встанет, снег растает,
жизнь порадует не раз.

Может быть, судьба-судбина
приголубит нас с тобой,
жить поможет дочке с сыном
под счастливою звездой.

В дом к нам внушки соберутся,
чтоб проведать стариков,
молока они напьются,
наедятся пирогов.

На меня глядишь
со своих высот.
Забралась ты ишь
аж на небосвод.

Я зову: «Спустишь,
зацелую в пьянь».
Ты в ответ: «Окстись,
на дворе-то рань».

А кругом народ,
целоваться грех.
Счастлив тот, кто ждёт...
«Переждёшь ли всех?»

* * *

Не важно кто ты — чех, полячка,
французенка, а может грек.
Любовной истиной горячкой
болеет каждый человек.

На сердце действует зараза,
на слух, на зрение, на мозг,
слабеет человеческий разум,
и силы тают, словно воск.

Горячка странствует по свету,
живёт в лачугах и дворцах.

Время, как бокал вина,
на подносе перед нами.
Можно пить его глотками,
можно всё за раз — до дна.

Чем дольше век, тем меньше канители
по поводу капризов и причуд.
Мы, старики, своё уже отпели,
пусть молодые вместо нас поют.

Бог детей целует только раз
и притом в означенное время,
дураков то в лоб, то в нос, то в глаз,
умненьких всегда целует в темя.

что у неё свои дела,
что без меня хватает горя
и, хлопнув дверью, в ночь ушла.
Я на другой женился вскоре.

С тех пор прошло немало лет,
пером зачёркнуто бывшее,
я счастлив и уже поэт,
я жизнь люблю и всё живое.

Жена, чем старше, тем умней,
любить умеет, нежно слушать.
Я сотни добрых слов о ней
писал в стихах, шептал ей в уши.

Знать не хочу, что стало с той,
она сама закрыла двери...
Всё понимаю головой,
но сердцем ничему не верю.

* * *

У тебя глаза,
будто две свечи.
Не любить нельзя,
хоть всю жизнь кричи.

Промчат года,
как птицы-тройки.
Ну, а тогда –
к нам для настройки».

* * *

Ты куда улетела, шалунья?
Без тебя от зелёной тоски
на окошке холодном петунья
обронила свои лепестки.

Побледнели от горя листочки,
день и ночь смотрят жалостно вниз.
Полетай, полетай, моя дочка,
но домой непременно вернись.

Как бессонны и тягостны ночи,
как тоскливо и горестно мне.
Я хочу, чтоб ещё, хоть разочек,
улыбнулся цветок на окне.

* * *

Горит оплывшая свеча,
хрипит Высоцкий под гитару.
Она сказала сгоряча,
что я – глупец и ей не пара,

Ты радостно смеёшься, ты поёшь,
твой путь усыпан лепестками роз.
Но вон, смотри, стоит голодный пёс,
и, значит, мир не так уж и хорош.

Что лучше, правда или ложь?
Скажу наверняка,
пусть лучше трижды будет ложь,
чем правда дурака.

Не копайтесь в душах своих, люди,
не срывайте с памяти печать.
Счастлив тот, кто всё и вся забудет
и сумеет сызнова начать.

Старый дом, тихий дворик укромный...

Всё прошедшее не возвратить.
Но зачем-то упрямо мы помним,
то, что можно бы напрочь забыть.

Все невзгоды и беды
сотни, тысячи раз
наши бабки и деды
пережили за нас.

Это – счастьем порука,
путеводная нить.
Мы готовы за внуков
тоже всё пережить.

* * *

Нынче небо, небо чистое,
вся вселенная видна,
по деревне с гармонистами
ходит юная весна.

И поёт она частушки,
и смеётся во весь рот.
У весны у хохотушки
никаких тебе забот.

На деревню с небосвода
смотрит с завистью луна,
серебристый свет, как воду,
из кувшина льёт она.

* * *

«Мужик – скрипач,
жена – лишь скрипка, –
сказал мне врач,
тая улыбку. –

Коль вы юны,
и жёны юны,
то вы вольны
ударить в струны.

* * *

Я купил себе лопату,
приобрёл на днях топор,
буду нынче строить хату,
городить вокруг забор.

Подыщу себе подругу,
в новый дом введу жену,
пир задам на всю округу,
может быть, на всю страну.

Заживу, как загуляю,
норожаю пять сынов,
Слава Богу, всё я знаю,
всё могу и жив-здоров.

Подрастут мои ребята,
сходят в армию, потом
каждый, как отец когда-то,
для себя построит дом.

Чтоб не знать до смерти скуку,
я надеюсь, что сыны
норожают кучу внуков
для меня и для страны.

Стану я тогда богатым
всем чертям наперекор...
Знать, не зря купил лопату,
приобрёл на днях топор.

Боишься мы, что смерть ударит в склянки.

По-моему, всё это ерунда.
Уйти из жизни, что уйти с гулянки, –
дверь распахнул и вышел...навсегда.

Буду, нет ли я здоров,
поживу ль ещё немного –
всё зависит не от Бога,
а от наших докторов.

Правда, есть другое мнение:
у хирурга столько сил,
сколько Бог в него вложил.
В этом тоже нет сомненья.

Терзает человека беспокойство
за стариков, детей и за прогресс.
Нас радует души такое свойство,
а вот врачи считают – это стресс.

А вокруг всё ложь, да слухи,
да тупая дребедень.
Хорошо, с тобой мы глухи
и не слышим эту хрень.

И гордыня с обманом,
словно слеза,
застилают туманом
голубые глаза.

ЗВЕЗДА

Как будто с кручи в пропасть,
звезда скатилась вниз.
На небосклоне тропы
корявые, как жизнь.

Нелёгкие гастроли,
сгоревший в пух наряд...
На этом чёрном поле
дороги нет назад.

А ты, того не зная,
несёшься кувырком,
наверное, мечтаешь –
вернуться в отчий дом.

Наивная простушка,
тебя глухая ночь,
как старую игрушку,
стряхнула с неба прочь.

И людям дела мало
до падающих звезд:
упала и пропала –
ни памяти, ни слёз.

Воют изверги-сирены,
люди прячутся в подвал.
Ни один ещё военный
в мире так не воевал.

Так никто не строил планы,
так никто не звал в поход.
Поднимаюсь я с дивана,
на врагов иду в обход.

Не сдержать меня окопом,
нипочём мне вражий ДОТ,
по таёжным тайным тропам
с сыном мы идём вперёд.

Миг ещё, и вот победа,
над рейхстагом красный флаг.
Отдохнул я, пообедал
по-солдатски, а не так.

Выпил я, конечно, чарку
за победу, за друзей.
Праздник бы пошёл насмарку,
если б не было детей.

Я живу, как ветер в поле,
водку пью, люблю жену,
по ночам крихчу от боли
за себя и за страну.

Понимаю я прекрасно –
этим горю не помочь.
Но не тратить же напрасно,
коль совсем не спится, ночь.

«Бог велик, – говорили нам пастыри, –
всё, что хочет, свершить может Бог».
Бог велик, но родиться без матери
даже он, всемогущий, не смог.

Голова, моя голова
варит кашу едва-едва.

Отчего, я не знаю пока,
но она, словно редька, горька.

Даже если кладу в неё мёд,
всё же горечью отдаёт.

Эй, россияне, как живём,
всё бедствуем или жируем?
Да, как всегда, с доходов пьём,
а с нищеты опять ворует.

Тучка возле солнышка пригрелась,
да и солнцу хорошо в платке.
Нынче у соседки засиделась
добрая старушка в холодке.

К вечеру, придя домой, хватилась:
то забыла, то не начала.
Солнце с неба кубарем скатилось,
тоже бросив все свои дела.

* * *

Праздный день, обычный праздник,
телевизор, стол, диван,
да сынишка-безобразник
бьёт тревогу в барабан.

У него война, походы,
марш-броски, атаки, бой.
Пушки, танки, пароходы
на смерть бьются меж собой.

Генералы строят планы,
за собой ведут солдат,
неприятельские страны,
как положено, дрожат.

* * *

Луна-шпионка, лоб наморщив бледный,
ходила вслед за нами до утра.
В костре зари сгорела ночь бесследно,
и грелись мы у этого костра.

Всю ночь тебе читал я Мандельштама,
ты слушала, раскрыв от счастья рот,
лишь иногда вздыхала: «Как там мама,
она меня домой, наверно, ждёт».

А я читал без запятых и точек,
и ждал взамен восторгов и похвал.
Ты спрашивала, кутаясь в платочек:
«А это чьё?» — «Моё». — Я отвечал.

Дней через пять, меня знакомя с мамой,
ты вспомнила про этот разговор:
«Вот, мама, познакомься с Мандельштамом,
его стихи мы любим с давних пор».

* * *

Тучка села солнцу на макушку,
словно старый серенький платок
подвязала добрая старушка,
чтоб к соседке выйти на часок.

На Руси мужики лишь да бабы,
что везут на себе дураков,
хоть работают все не слабо,
но везти ещё так далеко.

Нелегко жить на зарплату,
шансов нет, чтоб раздобреть.
Если хочешь стать богатым,
надо под ноги смотреть.

А мы по-прежнему бедны,
концы с концами сводим еле.
Vivat правителям страны
за то, что мы не растолстели!

Не правят больше старики,
ни мальчики, но мужи...
Остались в прошлом дураки...
Но стало только хуже.

Дурак иль умный – сразу не поймёшь,
любой из них по-своему хорош.
Порой дурак на два рубля сморозит,
а умный не поймет даже на грош.

Убивают ни зло и ни жалость,
ни кинжал, ни ружьё, ни топор,
ни зараза, ни прочая гадость...
Убивает жадность в упор.

Начал в натяг, помалу,
враскачку – назад-вперёд.
Машина гремит металлом,
визжит, как мартовский кот.

Только стоит на месте,
месит колёсами грязь,
словно хозяйка тесто,
переминая сто раз.

Надо помочь бы скатам,
чтобы не рвать мотор,
но на беду лопату
дома забыл шофёр.

Кажется, что там лопата? –
Мелочь и вовсе пустяк!
А всё ж без неё, проклятой,
не обойтись никак.

И день уже вечереет,
и холод идёт вослед.
Нет ничего важнее,
чем мелочь, которой нет.

* * *

Закричали поутру вороны
с умыслом, видать, не просто так.
Может жизнь мою с аукциона
разыграть решили за пятак.

Не надейтесь, бесовы творенья,
на семейный дармовой обед,
я живу, пишу стихотворенья
и желанья радовать вас нет.

Каркайте, кричите, супостаты,
не обижусь я на вас ничуть:
лучше жить под крики бесноватых,
чем в смертельной тишине уснуть.

* * *

Слякоть, апрель, воскресенье.
Чуть зазевался и в миг,
этакое невезенье,
забуксовал грузовик.

Вроде шофёр не под «мухой»,
да и не молод, в годах...
Но, говорят, проруха
бывает на всех иногда.

Наконец-то рухнул мир в клоаку.
Слава Богу, судный день настал.
Веселитесь, кто грустил и плакал,
плачьте, кто всю жизнь продохотал.

Родился, вырос Чингиз-хан,
однажды овладел престолом,
стал повелителем всех стран...
А вот когда он стал монголом?

С русским про Родину-мать
я не советую спорить.
Русских нельзя запугать,
их можно только озлобить.

Я вчера натюрморт написал:
на столе пять невызревших груш.
Утром с ужасом я увидел
на холсте пять загубленных душ.

Как хорошо быть добрым и счастливым,
а чтоб забыть про горе и печаль,
вы посмотрите, как цветёт красиво
на улице застенчивый миндаль.

Утром встаю спозаранку,
ступаю, чтоб не шуметь.
Скатерть свою самобранку
донская раскинула степь.

Ни один человек не хватился меня,
что им беды мои и невзгоды:
умираю в лесу без еды, без огня,
без родни, вообще, без народа.

А вокруг лишь деревья стоят да кусты,
норовят ухватить за одежду,
и ни в ком ни сочувствия, ни доброты
и ни повода мне на надежду.

Меж кустов и деревьев таятся грибы:
мухоморы одни да поганки.
Видно, смерть моя здесь, не уйти от судьбы,
упаду и умру на полянке.

Надоело так жить, надоело плутать,
словно леший, скитаться по лесу.
Мне не жалко себя, жаль несчастную мать,
что дала жизнь такому балбесу.

А деревья шумят и скрипят надо мной,
как над старой могилой замшелой.
Я не умер ещё, но уже неживой –
без души, без надежды, без тела.

Я в осеннем лесу заплутал, бесов сын,
растерял облик свой человеческий,
и уже разгораются кроны осин,
как мои поминальные свечи.

* * *

Из века в век мою Россию
оплакивали сотни раз
длинноволосые витии
и стриженный рабочий класс.

Цари, вельможные чинуши,
генсеки и последний смерд
ей предрекали, как кликуши,
среди зимы холодной смерть.

Не умерла моя Россия,
она живее всех врагов,
над ней мать божия Мария
простёрла тайный свой покров.

Простёрла и явила чудо,
вложив надежду нам в сердца.
Живёт страна на радость люду
во имя Сына и Отца.

* * *

Я в осеннем лесу заплутал, словно пёс,
растерял и дороги, и тропы.
Я в дожде утонул, я до боли промёрз,
я бесплодно полмира протопал.

Под небом дождь, гроза, ненастье,
не до любви, не до утех.
Но, Боже мой, какое счастье,
что беды делятся на всех.

Бледнеют звёзд холодных лики.
Лишь Марс предутренной порой
ласкает Волос Вероники
костлявой старческой рукой.

Солнце спряталось за тучу,
взятки с него гладки.
То ли нас зачем-то мучит,
то ль играет в прятки.

Всё возродится, оживут деревья,
сыграют вальс, быть может, нам с тобой.
Ты мне, как мать, родимая деревня,
надеюсь, что тебе я тоже не чужой.

* * *

Едем вместе с женою в Сибирь.
Нет не в ссылку, а так прокатиться.
Дед Мороз – краснорожий упырь
за окошком вагона резвится.

Гонит ветры туда и сюда,
насылает метели лихие
на идущие вдаль поезда
по бескрайним просторам России.

Надурится сегодня он всласть,
а потом (испокон так ведётся)
отдавать свою дикую власть,
хочешь – нет ли, а бабе придётся.

то, словно маки, пышные закаты,
в которые все были влюблены.
Тогда, казалось, лунные сонаты
на землю опускались с вышины.

Ещё бывало, тёплою порою
обласканные ангелом ночным
смотрели мы, как лижется с луною
далёких звёзд безмолвствующий дым.

А как мы ждали – вот пойдут девчонки
шумливой стайкой ночью на точок.
Нам нравилась гармонь, что пела звонко,
и как стучал в ответ ей каблучок.

А нынче ветер закрутил шарманку,
и вороньё кричит со всех сторон.
Прости меня, деревня Серебрянка,
что я пытался заглянуть в твой сон.

Быть может, я совсем не то заметил,
мои мечтанья – не твоя мечта.
На крышах снег – блестящие береты,
а на деревьях – девичья фата.

Мы не умрём, тепла с тобой дождёмся,
умоемся серебряным дождём,
росы жемчужной с лопуха напьёмся
и, как обычно, снова жить начнём.

Упала ночь на землю в грязь
и долго, бедная, лежала,
лишь утром ранним тихо встала
и восвояси убралась.

Ни цветочка, ни листочка
отыскать не может взгляд.
Лишь седые злые кочки,
как сычи, в воде сидят.

Да и то сказать: болото –
для нечистой силы рай.
Но мне кажется, что кто-то
всё же любит этот край.

Где лес стоял – теперь одни пеньки
на радость просвещённому народу.
На них кладут закуску мужики
и водку пьют в хорошую погоду.

Есть отличная идея:
посадить два-три пиона
и на стенке под балконом
голубую орхидею.

Голубую, словно утро
с просветлённым небосклоном.
Я считаю это мудрым
и полезным для гормонов.

* * *

Опять идут корявые дожди
без перерыва, даже без просвета.
Ты только не печалься, подожди
всего чуть-чуть, и снова будет лето.

Придёт тепло, а следом и жара
глаза зальёт солёным едким потом,
и вспомнишь ты холодное вчера
и позавидуешь арктическим красотам.

* * *

Опять затеял ветер перебранку
с осенней мглой и глупым вороньём.
Нахохлившись, стоит деревня Серебрянка
и думает о чём-то о своём.

Давай, и я подумаю с тобою,
мне тоже есть, что вспомнить в этот час.
Ты помнишь, как серебряной струною
звучало лето каждый год для нас?

Оно свои дарило нам секреты:
то тёплый дождь, то яркий звездопад,
то воробьёв болтливые куплеты,
то разнотравья спелый аромат,

Жуковский, Тютчев, как обычно, с Фетом,
Есенин, Северянин, Гумилёв.

Куда ни глянешь: Блок или Некрасов,
Языков, Пастернак или Кольцов.
Когда Пегасов больше, чем саврасов,
тогда в стране господствует любовь.

* * *

Славно до рассвета
нежиться в постели.
На деревне где-то
петухи пропели.

Свет пошёл сторожко
ближе к нам и ближе.
Я иду к окошку,
подошёл и вижу:

тёплый дождь спросонок
ранним утром вешним
плачет, как ребёнок,
горько, безутешно.

Мы шагаем по старой дороге,
ноги сами куда-то несут.
Толстый месяц над нами двурогий
кувыркается, словно шут.

Весна пропела ясные куплеты
и незаметно отошла от нас.
И вот уже хозяйничает лето,
не зная, что оно халиф на час.

Тучи лбами, как бараны,
бьются, словно на показ,
гром гремит, как барабаны,
искры сыпятся из глаз.

Это глупо, конечно, но если б я мог,
изменить кое-что в этом мире...
Я тогда бы весну посадил под замок,
без суда ей назначил пожизненный срок
с отбыванием только в Сибири.

Искры кружат над костром,
как на карусели,
словно звёзды отдохнуть
с неба прилетели.

Сегодня Лувр и Эрмитаж
уже не делают погоду.
Октябрь в парках вернисаж
устроил праздному народу.

* * *

Приметил мужика высокорослого,
знакомый, вроде, пробираюсь ближе.
Ах, Боже мой, да это ж Маяковского
Владим Владимыча перед собою вижу.

Ну, точно он – громаднейшего роста,
лет тридцати (не более) от рода.
Как амбразуру грудью окна РОСТ,а
он героически закрыл от непогоды.

Буржуи, не страшны нам ваши пули,
грозите хоть блокадой, хоть войной.
Когда стоят поэты в карауле,
страна тогда за каменной стеной.

А это кто к поэту присоседился,
коротенький и волос в завитушках?
Не может быть? Ну, прям-таки не верится,
что вас увидел, Александр Пушкин!

Хоть вам поют хвалебные куплеты,
но вы всегда не поддавались лести.
Когда в стране есть добрые поэты,
то всё в ней будет с честью и по чести.

А вон ещё знакомцы по портретам,
по строчкам из заученных стихов:

Родня, скорей всего, поднимет крик
о том, что я остался без догляда.
Она не знает, видимо, что рядом
находится Задоно-Кагальник.

Не плачь, жена, не причитай, народ,
нет ничего конечного на свете,
возможно, там меня и не приветят,
и блажь моя со временем умрёт.

И я тогда вернусь к себе домой
с оказией какой-нибудь, возможно,
что нынче сделать, в общем-то, несложно,
коль ты не бедный или не больной.

Родня мне выскажет какой-нибудь укор,
смертельные, как яд змеи, обиды.
Я выслушаю их, скорей всего, для вида,
а через день опять покину двор.

Автобус, фыркая, опять меня помчит
куда-нибудь по милой мне России,
простите блажь, любимые родные,
ростовский край мне голову кружит.

Похолодало. Осень-мастерица
картины пишет в парках и садах.
На каждой – разноцветные жар-птицы
расселись на деревьях и кустах.

Лицо облепило снегом,
такой разыгрался буран!
Бью палкой я в бубен неба
и прыгаю, как шаман.

Бесится снег на просторе,
гнёт до земли кусты,
и чудится, будто морем
в пене плывут киты.

ГИНКГО:

Мой род гинкго древней, чем лавры,
древней дубов и трав убогих.
Я точно знаю, динозавры
лизали бабушкины ноги.

АЛЫЧА

От стыда, что припоздала,
что замешкалась слегка,
алыча румянить стала
свои круглые бока.

МАЛИНА

Веселюсь, словно маленький.
Славный выпал денёк!
Ясный полдень фонарики
на малине зажжёт.

И вот стою я весь из бронзы
среди любимого села.
Сегодня девушка мне розы
с поклоном низким принесла.

Вчера стояли ветераны
и говорили о войне.
И заживали мои раны,
и легче становилось мне.

И становился я, как прежде,
живым среди степей донских.
И слёзы падали всё реже
из глаз из бронзовых моих.

* * *

Уеду я в Задано-Кагальник,
там, говорят, красивая природа,
там не чихают гадостью заводы,
и жизнь идёт по Дону напрямик.

Я не скажу о том своей родне.
Однажды, покрутив старинный глобус,
я в Волгодонске сяду на автобус
и покачу на нём по всей стране.

Товарищ любимый, послушай, послушай,
как ветер тоскливо свистит над землёй.
Цимлянское море успокоит души
на волнах качает одну за другой.

Надеюсь, что милость придет к ним Господня,
и Дон озарит белым светом до дна.
Давайте, и мы их помянем сегодня
по старым обычаям рюмкой вина.

* * *

Я был совсем простым солдатом
в ту беспощадную войну.
Я защищал людей и хаты,
свою несчастную страну.

Я не искал барыш и славу,
а просто гнал и бил врага.
Погиб я где-то за Варшавой
перед Берлином в двух шагах.

Но если память согревает
погибших в праведном бою,
то непременно оживают
они в своём родном краю.

Небо снежною кашей
скрыло степные края.
Всё ж ничего нет краше,
чем сторона моя.

Давно никто не верит в чудеса,
наука всем прочистила сознание.
Но всё же там, где искрится роса,
живут ещё чудесные создания.

Разбиты в щепы наши чёлны,
сиди и думать не моги.
Как пауки, радиоволны
нам сетью оплели мозги.

Умолкли суетные птицы,
деревья дремлют, спят сады.
Не откликаясь на зарницы,
тускнеет зеркало воды.

Грохочет гром и непогоду
ждёт с содроганием сюда
такая грустная природа,
такая, впрочем, как всегда.

Рампа.
Свет.
Оркестр.
Слава!
Браво слева,
браво справа,
браво, леди,
браво, мисс!
Повторите!
Просим!
Бис!

* * *

Над Доном стояла когда-то станица,
в ней жили на воле казачьи сыны.
Они охраняли достойно границы
великой России, любимой страны.

Здесь жили привольно хорошие люди,
молились усердно на образ Христов,
по праздникам пели, работали в будни,
рожали детей, почитали отцов.

Но как-то пришёл им приказ из столицы,
в нём было указано только одно,
мол, выселить надо людей из станицы,
здесь будет для моря Цимлянского дно.

И люди ушли, а вода затопила
поля золотые, луга и сады,
и с ними на старом погосте могилы,
в которых покоились чьи-то деды.

Их просто забыли, вода лишь донская
обмыла им косточки тысячи раз.
Обидно, до боли! Эх, глупость людская,
во все времена ты преследуешь нас.

* * *

У казака закон свой да воля,
у казака далёкий поход.
У казачки – бабская доля
да дел по дому невпроворот.

У казака есть пика да шашка,
у казака – усы для красоты.
У казачки – веник да тряпка
да две неприбранные косы.

У казака – вино и гулянья,
у казака – рубаха друзьям.
У казачки – одни мечтанья
да слёзы горькие по ночам.

У казака – и курень, и дети,
у казака – красавец дончак.
У казачки – один на свете
разудалый любимый казак.

У казака – чужие болячки,
у казачки – лишь раны в груди.
У казака и у казачки
всё впереди, да всё впереди.

Любовь и ненависть, как ни зови,
всего лишь телячьи нежности.
Ненависть – это конец любви,
любовь – начало ненависти.

Как хорошо, когда не все равно
с кем жить, кого любить. Ищите
по свету позитивное зерно
и из него себе свой хлеб пеките.

Любовь и кровь неразделимы,
они соседствуют всегда.
Не проходите, люди, мимо,
от них рождается беда.

Ты весёлая и мобильная,
грудь торчком и лукавый взгляд,
словно яблочко молодильное
съела месяца два назад.

Если хочешь быть счастливым,
долго жить и не болеть,
надо чаще на красивых
с восхищением смотреть.

Какое счастье, взять и умереть
от восхищенья или от восторга.
Мгновенье от рожденья и до морга
на крыльях радости с любимой пролететь.

* * *

Веселитесь до поры,
как пророчено.
Только наши топоры
уж наточены.

А на Волге на Дону
сила копится.
Мы поднимем всю страну
враз на копьёца.

Полетите, воронё,
вверх тормашками,
коль возьмёмся за ружьё,
взмахнём шашками.

Не поможет злато вам
с позолотою.
Нахлебаются дерьма
до блевоты вы.

А когда пойдёт на бой
наша конница,
то наступит рай земной –
воля-вольница.

Там, где вольница промчит,
сгинут нелюди,
птица счастья пролетит
белым лебедем.

* * *

Уходили казачьи сыны на войну,
проводжала их старая мать:
«Вы не бойтесь, сыны, умереть за страну
и коней за неё потерять».

Престарелый отец говорил в свой черёд,
отдавая прощальный поклон:
«Вы не бойтесь, сыны, умереть за народ
и погибнуть за батюшку Дон».

Ускакали бойцы от родимых ворот,
от родительского очага,
отстояли страну, защитили народ,
на Дону разгромили врага.

Растеряли они и коней, и друзей,
а однажды в последнем бою
вдалеке от ковыльных Ростовских степей
потеряли и юность свою.

Думу думал отец, горько плакала мать,
что ни день, то вдвойне да втройне:
не вернулись сыны, больше некого ждать,
всё отдали проклятой войне.

А у нас в хуторах, а у нас на Дону
о них слава, как песня, живёт.
Ах, спасибо, сыны, вам за Дон и страну
и поклон за спасённый народ.

Закрою дверь не в комнату, а в душу,
мне всё равно, что будет впереди.
Теперь себя ты, если хочешь, слушай,
а от меня хороших слов не жди.

Хотя не бойся, я не отругаю,
не сделаю постыдный фейерверк.
С минуты этой ты не дорогая,
а просто самый лучший человек.

Да ну их, ссоры, пересуды,
обиды и другую муть.
Давай, я вымою посуду,
а ты мне сваришь что-нибудь.

Я молчу, ты из-за чуши
не общаешься со мной.
И страдают наши души,
словно бабочки зимой.

Месяц с солнцем уснули вдвоём,
смотрят долгий ночной сериал.
А давай мы сегодня нальём
виноградного счастья в бокал.

Будем клясться в любви и слова
говорить, торопясь, невпопад.
Хорошо, что живём, и что дружба жива, —
нет границ для неё и преград.

Анатолий Костецкий
Перевод с украинского

СКОЛЬКО ДЕЛ У ЛЕТА

Знаешь, сколько дел у лета?
Не считай, им счёта нету!
Надо нам поджарить спины
и веснушки заедино
насадить всем на носы
для порядка и красоты.
Подарить ольхе серёжки,
лесу славные одёжки,
накупать в реке народ
на столетия вперед.

Словом, лето всё умеет.
Но всего ему важнее,
чтоб сумели я и ты
посильнее подрасти.

Все дамы томны и милы,
все платья пагубно открыты.
Мужчины трезвы и побриты...
О, наши русские балы!

От станции «Любовь» до станции «Презреньё»
не ходят скоростные поезда.
Но для того, чтобы попасть туда,
нужно одно короткое мгновенье.

Я тихо тронул струны у гитары.
Как хорошо, что каждая струна
мне дарит сладкозвучия подарок,
как ласку сладострастную жена.

Ты, как всегда, мила и хороша,
а я опять куда-то уезжаю.
Зовёт меня несносная душа
к чужому неизведанному краю.

И в том далёком и чужом краю
в тот самый миг, едва там появляюсь,
клянущу я душу гадкую свою
и в тот же день обратно собираюсь.

Никакие циркуляры
не отменят сладких снов.
Вижу грудь как канделябры
для пылающих сосков.

Вижу губы, вижу щёки,
вижу всё, в чём есть нужда.
Всё берётся без мороки,
отдаётся без труда.

Но нигде толпа пустая
Не была поэту рада
И всегда, ему вручая
Вместо славы чашу с ядом,

«Пей, – кричала, – свою долю,
Пей, проклятый, хоть упейся.
Не хотим твою мы волю,
Не хотим чужие песни».

* Народный музыкальный инструмент.

Иосиф Джугашвили
(И.Сталин)
Перевод с грузинского

ЧАША С ЯДОМ

Тенью он бродил по свету,
В каждый дом неся участие,
И пандури* пел при этом
Песни сладкие о счастье.

В этих сказочных напевах
Правда слышалась земная,
И, как солнца луч, струилась
С неба истина святая.

Песни честные у многих
Заставляли сердце биться,
А застывший тёмный разум
К свету божьему стремиться.

И вот с тобой мы снова тет-а-тет,
порадовались и погоревали.
А что же, чёрт возьми, мы двадцать лет,
как по заказу, дурака валяли.

Ну, почему никто нам не помог
понять друг друга, избежать экстрима.
И даже Бог, одна надежда Бог
глядел не в нашу сторону, а мимо.

Мне дать тебе нечего, нет ничего,
одно пожеланье осталось:
пусть день будет твой подлинней моего,
а ночь покороче, хоть малость.

У нас это часто бывает:
она лишь едва за порог,
а я уже горько скучаю,
как новый блокнот мой без строк.

Я знаю, она недалёко,
что явится, может, вот-вот...
И всё же не пишутся строки
в скучающий чистый блокнот.

Лишь для тебя цветы цветут,
тебе в подарок бабье лето.
Лишь для тебя в венки поэты
сонеты дивные плетут.

«Сколько ног у пчёлки?»

А я позабыл.
Вот за эту малость
он и завалил».

С ЭКЗАМЕНА

Из аудитории
вышел кандидат,
собрались товарищи,
ну, его пытаться.

«Как ты сдал экзамен,
есть уже диплом?»
Он молчит, лишь туча
вьётся над челом.

Говорит друзьям он:
«Правды не сыскать!
Наш профессор старый
и тиран, и кат.

Задал три вопроса,
как велит закон,
я на два ответил,
третьим срезал он.

«Был в саду?» – спросил он.
«Был», – я говорю.
«Видел пчёл?» – спросил он.
«Видел», – говорю.

Твои губы, как настойку,
я всё пил, и пил, и пил
до тех пор, пока под стойку
не упал в хмелю без сил.

Хоть деревья раздеты,
хоть кусты наголе,
всё равно, бабье лето
ходит навеселе.

Я и сам загулять бы
в эту пору не прочь:
справить шумную свадьбу
с бабьим летом на ночь.

Хоть накраюсь, хоть не краюсь,
примени любое средство.
Как, родная, не старайся,
не вернёшься в своё детство.

Я не видел давно белый свет,
не вдыхал свежий ветер лесной.
Я как будто сидел десять лет,
хоть и жил эти годы с тобой.

Не сердись на меня, мой милый,
и не стой, как болван, у двери.
Ты возьми меня, но не силой,
лучше как-нибудь уговори.

* * *

Коли лампу вы разбили,
поздно масло доливать,
коли дом ваш обокрали,
поздно ставни закрывать.

Если речка пересохла,
наводить не надо мост.
Если юность промелькнула,
задирать не стоит хвост.

* * *

Враг отец, вражина мать:
не учили сына,
будет по миру блукать,
словно сиротина.

Как меж павами ворона
во все дни чужая.
Так и тёмный человек
счастья не узнает.

* * *

Гнев как огонь. Чем больше дров кладёшь,
тем ярче полыхает пламя.
А перестань подкладывать дрова,
оно угаснет.

Как моряки кидают всё за борт
во время бури, чтоб корабль облегчить.
А стихнет буря, горько пожалеют
о тех потерях.

Так в гневе человек, порой, в запале
не думает о том, что больно, что здорово,
а гнев пройдёт, одумается, только
уж поздно плакать.

* * *

Как серёжки золотые
бурой свинке не нужны,
так краса – не украшеньё
злой распущенной жены.

Как жемчужине мы рады,
что в оправе золотой,
так душа жены сердечной
светит Божьей красотой.

К любви ведёт широкая дорога,
она пряма, не вьётся, как змея,
она предел мечтания для многих.
А у меня тропиночка своя.

Ой беда, беда со мною, –
отказали тормоза.
А тому всему виною
эти чёрные глаза.

Они каждый миг в охоте,
тянут силой за собой.
Ну и что, что на работе.
ну и что, что не с тобой.

Я не хочу молиться небесам,
не нищий я, чтобы просить пощады,
мне ничего от Господа не надо,
я всё, что надо, должен сделать сам.

Стране поэты не нужны,
она и так всего достигла.
Нужны барыги для страны,
когда ей управляет быдло.

Не всё в стране от сатаны,
и время многое рассудит.
Нужны поэты для страны,
когда ей управляют люди.

БОГАЧ

I

Свечку поставил ты в церкви
перед иконой, богач.
Правильно сделал ты, видишь,
ярко та свечка горит.

Глянь, и убогий в ту церковь пришёл,
тот, кого ты ни за что обижаешь.
Он прослезился и тяжело вздохнул.
Свечка погасла твоя.

II

Нищему дал ты подачку, богач,
вроде бы сделал добро.
Но погляди, это слуги твои,
стадо твоё выпасая,

ниву того бедняка-горемыки
всю истоптали на нет,
и, что через кривду твою,
должен несчастный по миру идти.

Глупый, ты Бога надумал дурить
этой подачкой ничтожной.
Кривда ж твоя, словно гром,
против тебя всё гремит и гремит.

Иван Франко

Перевод с украинского

* * *

Корми гадюку молоком,
в ней станет больше яда.
Твори добро лихому, он
вас доведёт до ада.

Что гадюка, что злюка
оба страшны.
Да кто всё ж страшнее?
Да оба равны.

Страшнее гадюки
лихой человек!
От зелья замолкнет
гадюка на век.

Ни ночью, ни днём
не утихнет злодей,
хоть кровь свою напрочь
из сердца излей.

А слёзы щёки бороздят,
и эти глупые слезинки –
для нежной кожи страшный яд,
который делает морщинки.

Не таи в себе страх,
лучше песни пой вслух,
и умолкнет твой враг,
и придёт к тебе друг.

Голос пусть не хорош,
пусть немного хрипишь,
если песни поёшь,
значит, ты победишь.

Свободы нет такой в природе,
чтобы сбылись наши мечты.
Понятно, если я свободен,
то, значит, не свободен ты.

В жизни шарады одни да ребусы,
их разгадать не под силу нам.
Вот и ходим мы, как троллейбусы,
привязанные к проводам.

Надеюсь, вы уже трезвы,
и праздники остались за спиною.
Я вас люблю за то, что вы есть вы,
за то, что пили вы всю ночь со мною.

Будут тёплые денёчки.
Верьте, дети, в это.
И тогда зазеленеет
Снова наше поле,
Расцветут на нём цветочки.
Будет вам раздолье.

СОСНА

Ветру весною о чём-то шептала
в платье зелёном сосна.
Там я ходила и всё услышала,
что говорила она.
Ой, не «зелёного шума» напевы
пела тоскливо сосна.
Нет, не «зелёного шума»!
Слышалась в пенье тяжкая зимняя дума.

Утром зимою дубрава молчала,
словно погибла она,
только ветвями, как прежде, шептала
в платье зелёном сосна.
Там я ходила и всё услышала,
что говорила она.
Ох, не весёлая дума
Слышалась в пенье «зелёного шума»!

Леся Украинка
Перевод с украинского

ЛЕТО КРАСНОЕ МИНУЛО...

Лето красное минуло,
Снег лежит на поле;
Ребятишки смотрят в окна –
Нету прежней воли!
Дети мучаются в доме,
Жалются, страдают:
«И зачем зима приходит? –
Стариков пытаются. –
Вон, всё поле снег засыпал,
Хоть не йди из хаты!
А сиди, смотри в окошко.
Где гулять ребятам?!
Снег с морозом поморозил
Все цветы на свете...
Не уйдёт зима наверно!» –
Жалуются дети.
Ждите, ждите, дорогие!
Вновь вернётся лето,

Где-то губит людей гроза,
где-то слёзы их душат и плач,
только это не видит богач,
ему деньги застыят глаза.

Набивайте яствами утробы,
пива пейте больше, мужики,
жир копите, наливайтесь, чтобы
с радостью вас жрали червяки.

Открой журнал или газету:
не жизнь – сплошная благодать.
Кругом одни авторитеты,
не надо голову ломать.

Мы боролись за державу.
Жизнь, известно всем, – борьба.
Раньше говорили: «Ба...!»,
а теперь мяучим: «Вау!»

Мы людей не любим иностранных,
и они не очень ценят нас.
Что им наши Марьюшка с Иваном,
для чего нам Марта или Ганс.

Что полезней мясо иль орешки,
что нужнее медь иль серебро?
Я гадаю на «орла» и «решку»,
но монета встала на ребро.

* * *

Бог, точно, время не творил,
оно всегда в природе было.
Так кто из них первее был?
Не Время ль Бога сотворило?

* * *

Я не люблю дешёвой лести,
тебе же лезть, как благодать.
Я не торгую своей честью,
тебе же нечего продать.

Не спеша, но со сноровкой
выпил я стакан перцовки.
И тот час же хрусть да хрусть
захрустел солёный груздь.

Всему своё. Плоть порождает плоть,
а Бог даёт немеркнущие души.
Так почему тогда, я не пойму, Господь,
не созданное им в болезнях тяжких души.

Если солнце вам светит в глаза,
никогда не ищите предлога,
чтоб закрыться ладонью. Нельзя
укрываться от Господа Бога.

Ох, и глупый вы народ,
плачете, ворчите,
будто Бог вам не даёт
то, что вы хотите.

Будто плох весь белый свет,
ну, а вам всё мало...
Да у Бога столько нет,
чтобы всем хватало.

Идут по полю босяки
и топчут рожь и васильки.
Уж видно любо босякам
ступать по ржи и василькам
и прихоти свои босячьи
справлять на поле по-свинячьи.

* * *

Человеку всё не в прок,
что ни шаг, то гибнут люди:
вреден по носу щелчок,
вреден поцелуй Иудин.

Вредно пить и много есть,
опий, никотин – особо!
Потерять девичью честь,
тоже шаг под крышку гроба.

Вреден сон и вреден вес,
дети гибельны на шее,
вредно с ней и вредно без,
а с двумя ещё вреднее.

Вредно даже воду пить,
можешь проглотить микроба.
Правда, кто намерен жить,
пусть не ждёт свою хворобу.

* * *

Прошло немало трудных дней,
война нашла свою кончину.
И только в душах у людей
не перестали рваться мины.

Люди её пили, говорят,
и позабывали про больницы.

Годы шли. Нашёлся человек,
что закрыл источник для народа:
«Покупайте воду и свой век
за рубли продлите вы на годы».

Но у проходимца только пшик
вышел из грабительской затеи.
На глазах у всех исчез родник,
отомстив барыге-богатею.

Как-то раз какой-то генерал
отыскал к источнику тропину,
огляделся, на колени встал
и согнул стареющую спину.

«Я, родник, тот самый лейтенант,
как и ты всегда служил народу.
Был бы рад, я был бы очень рад
вновь испить твою святую воду».

Промолчал родник, но в тот же миг,
потекла вода для ветерана.
Слёзы счастья проливал старик,
а родник – ему бальзам на раны

Что, скажи, творится в этом мире?
Я не знаю и молчу о том.
Я живу в нём, как в своей квартире,
вижу только то, что за окном.

Попробуйте понять, в чём суть,
да так, чтобы не обмануться.
Что лучше? Вечером уснуть
иль утром в здравии проснуться?

Кто «против» был, а кто был «за» –
всё поняла война.
У «красных» – белая слеза,
у «белых» – кровь красна.

Всюду рухнувшие стены
да в руинах Колизей.
Всё стабильно, всё нетленно,
кроме самых мелочей.

Чем старше книга, тем ценней,
тем больше к ней вниманье,
не с точки зрения познания,
а с точки зрения рублей.

Никчёмны мы. Кто-то для нас
законы пишет в кабинетах.
Сходить иль нет на унитаз?
Мы не решаем даже это.

* * *

Уходили наши на восток,
вглубь страны, всё дальше от границы.
Лейтенант – почти что паренёк –
оставался в хуторе лечиться.

Был он ранен трижды, нездоров,
не жилец, настолько изувечен.

Жители укрыли от врагов,
только вот лечиться было нечем.

Из земли струился родничок
где-то за околицей станицы.
Приносил станичный паренёк
каждый день лекарственной водицы.

«Пей её и раны обмывай,
бабка мне об этом говорила,
а водица наша, так и знай
всем даёт здоровье и силы».

Подлечился воин, снова в строй
встал и бил врага как прежде.
Ну, а тот родник с живой водой
людям продолжал дарить надежду.

Так и повелось, что стар и млад
за водой той ехали в станицу.

душой вдохнуть свободу,
почуять благодать,
коснуться небосвода
и выше всех стоять.

* * *

Зубы есть – пометим «теза»,
нет зубов – то «антитеза».
А исправить антитезу
можно с помощью протеза.

Пышный волос – тоже «теза»
«антитеза» – плешь кругом.
А такую антитезу
исправляют париком.

Грудь большая – снова «теза»,
«антитеза» – плоскодон.
Знайτε, эту антитезу
лечит только силикон.

Умный малый – это «теза»,
«антитеза» – дурачок.
А вот эту антитезу
не исправить нипочём.

Сторона моя, сторонushка,
всюду слёзы да обман.
Что ни девица – Алёнушка,
что ни молодец – Иван.

А вокруг берёзки с ивами
мочат косы у воды.
Люди все у нас красивые.
Далеко ли до беды?

Голубая кровь у королей,
голубее, чем у всех людей.
Разве только что у голубей
кровь чуть-чуть, но всё же голубей?

Я стремлюсь к небосводу,
как ведьмак на метле.
Только ветер и годы
пригибают к земле.

Прахом всё напряженье
и ума, и телес.
Знать, земли притяженье
посильнее небес.

Всю ночь бесилась буря,
бил Сатана в стекло,
и Ангел белокурый,
упал, сломав крыло.

Шёл по утру зевака –
увидел голубка,
сказал: «Беда, однако,
помрёт наверняка».

* * *

Мне наплевать на то, что было,
на то, что будет впереди.
День нынешний – всему мерило!
Забудь про всё, ни что не жди.

* * *

Юные не думают про смерть,
старикам второй раз не родиться...
Девочки мечтают повзрослеть,
бабушки хотят омолодиться.

* * *

В мальчишескую пору
я всем наперекор
хотел уехать в горы
и жить среди снежных гор.

Я бредил мыслью этой,
мечтал узреть весь свет,
послушать бурь куплеты
и с ними спеть куплет;

приветствовать светило
вблизи, наверняка,
по праву старожила
купаться в облаках;

А когда для ягуаров
Бог с небес детей пошлёт,
ягуар жене в подарок
антилопу принесёт.

А она, урча над мясом,
перепачкавшись в крови,
будет думать: «Как прекрасно
жить и в неге, и в любви.

С милым рай на этом свете,
он и свет, и мир для нас.
Бог за эту добродетель
ему милостью воздаст».

Призовёт Господь смекалку,
будет думать год подряд:
«Антилопу, вроде, жалко,
жалко и ягуарят. —

А потом махнёт рукою, —
Господи, живите так,
как назначено судьбою,
растуды вас и растак».

ЭПИТАФИЯ

А.В.Степанов здесь лежит,
засыпанный холодной глиной,
убит он чёрствостью чужбины
и тем, что родиной забыт.

Как-то вздумал бес толочь
в своей ступе бестолочь.

Он толоч её, толоч,
думал, может, выйдет толк.

Ну, и правда, через день
вышел толк, осталась хрень.

Потеряли тысячу, наплюйте,
может, попадёте чёрту в глаз.
А найдёте рубль, то ликуйте,
значит, Бог не забывает вас.

Я бы в гости поехал к Кастро,
пообщаться, сказать «Спасибо».

Но на это нужны пиастры,
без пиастров нельзя в Карибах.

Я не левый и не правый,
я не ангел и не чёрт,
мне совсем не надо славы,
я беру самоотвод.

Не разменяйте на пустяк
по дури время,
сверяйте с ним свой каждый шаг.
Всё надо мерить.

ЯГУАРЫ

Где-то бродят ягуары –
длиннохвостые коты.
Не нужны им тротуары,
виадуки и мосты.

Не нужны им ни деревни,
ни большие города.
По степи и по деревьям
они ходят без труда.

Ягуары ищут пару,
лижут пёстрый свой наряд,
словно кошки, ягуары
в марте истово кричат.

И приходят к ним подруги
пёстрым хищникам под стать.
Они ластятся друг другу,
любят вместе есть и спать.

А он большой авторитет.
И чтоб тебе жить не во тьме,
а пребывать в авторитете,
учиться надо не в тюрьме,
а в университете».

* * *

Известно, время и вода —
одно и то же.
Без них нигде и никогда
мы жить не сможем.

В пустыне за воды глоток
не жалко денег.
На плахе всё, что б только мог,
отдал за время.

А в будни та вода течёт,
бежит без счёта,
и времени не знаем счёт
мы отчего-то.

Закройте кран, и пусть вода
в нём сохранится.
Придёт, не дай Господь, беда,
она сгодится.

Жизнь не на радость нам дана,
поверьте на слово поэту.
За целый день стакан вина
не смог скачать я с интернета.

Я не могу себя понять,
что до чертей обидно.
Мне стыдно водку покупать,
а пить её не стыдно.

Я признаться не мастак
сказки сказывать за так.
А за деньги, язви душу,
их никто не хочет слушать.

Мухе всё до фонаря.
И какое дело мухе:
сесть ли на богатыря
иль поползать по старухе?

Жало есть у кинжала,
у осы и пчелы,
у змеи тоже жало...
Все, как дьяволы, злы.

Ты, конечно, без жала,
но коварный твой смех
так язвит, что, пожалуй,
ты опаснее всех.

ВОР (Басня)

Однажды вор, надумав поживиться,
забрался в дом,
не ведая о том,
что здесь уже давно больница.
Он потихоньку, не спеша,
как подобает вору,
на цыпочках идёт по коридору.
А тут ему навстречу – ша!
Спешит в запарке медсестрица:
«Больной, тебе, видать, не спится?
Давай, я сделаю укол».
Вор был не трус,
но вот укулов
боялся он ещё со школы.
Чтоб от укула отмотаться,
пришлось сестре во всём признаться.
Сестра послушала: «Вот вздор!
Какой ты вор!
Тебе ещё учиться да учиться!
Вот наш главврач
всю растащил больницу,
и то ещё не вор.

Ни штор, ни мебели, ни плошки
в больнице нет.
На кухне тоже нет ни крошки.

ДВОРНИК И МЕТЛА
(Басня)

Какой-то дворник просто так
нашёл пятак.
«Ура! – кричит, – удача!
Коль дело дальше так пойдёт,
то я, быть может, через год
куплю машину или дачу,
работу брошу и метлу
оставлю навсегда в углу».
«Не торопись, – ему метла
спокойно прошептала, –
я целый город размела
и денежек уже нашла
не мало.
Я их коплю, коплю, коплю,
а всё машину не куплю
тем боле дачу».
«О Боже, ты ведь без ума,
увидишь через год сама,
всё будет у меня иначе».
Вот день прошёл, прошли и годы,
а дворник всё метёт, метёт,
к нему удача не идёт:
пятак не делает погоды.

Ни к чему мне похвалы и лавры,
ни к чему мне золотой телец.
Лучше дайте кости динозавра,
я сварю к обеду холодец.

Она в шампанском мыла тело,
казалось, растворяясь в нём.
И становилась кожа белой,
душа чернела день за днём.

Ноги даны, чтоб носить сапоги,
руки даны, чтоб носить рукавицы,
тело, чтоб прятать его под тряпицы.
Ну, а зачем человеку мозги?

За столом идёт обед,
бабка ест, жуёт и дед.
Руки-грабли. Капли с ложки,
соль с солонки, хлеба крошки
на полу и там и сям.
Славный ужин тараканам,
тараканьим толстым дамам
и разъевшимся мышам.

Мистер Твистер сделал стойку,
закрутил хвостом, как пёс.
Это значит, на помойку
кто-то барахло принёс.

Рано утром Дед проснулся
и пошёл на птичий двор:
«Что за напасть? – ужаснулся, –
неужели птичий мор?»
Вот ведь горе, Петушок
закатил глаза и лёг,
не склевал и зёрнышка:
то ль желудком захворал,
то ли на ноги упал,
то льхватило горлышко?»

Посмотрел врач: «Что за диво!
Петушок совсем неплох:
сытый, вроде, и красивый,
слава Богу, что не сдох.
Но, чтоб не было греха,
зарубите петуха».

Знайте, взрослые и дети:
хитрость – вовсе не игра,
не забудьте, хитрость Петю
довела до топора.

* * *

Жизнь моя – безымянная повесть,
я писал её, вроде, красиво.
Но читаю сейчас, гложет совесть.
До чего же бульварное чтиво!

* * *

Как капитан глядит он вдаль,
и что ж он видит впереди?
Наверно, новую медаль
на своей собственной груди.

ХИТРЫЙ ПЕТУХ (Басня)

«Нет, – решил Петух, – не дело
каждый день чуть свет вставать.
До чертей всё надоело:
горло драть
да кур топтать.
Поработают пусть куры,
Селезень или Гусак.
Курам что?
Они ведь дуры.
Я, надеюсь, не дурак».

Вкус бывает кислым, пряным,
сладким, горьким, как алой,
а у нашего Ивана
вкус один и тот дурной.

Ах, на ляжке измененье!
Пропадаю я, как клоп.
Всё отдам за излечение –
с целлюлитом стыдно в гроб.

Он пошел Е-3 – Е-2.
Я не шлепнулся едва.
До чего же глупый ход,
будет матовый исход.

У меня есть друг Ахмат,
шахматист он важный,
что ни слово – сочный мат
двух – и трёхэтажный.

Он не спорит, не кричит,
не грозит булатом,
но всегда любой гамбит
завершает матом.

ДИАЛОГ

«Говорят, что будто вошь
у тебя сидит в кармане
на цепи иль на аркане.
Это правда или ложь?»

«Я на сплетни ноль вниманья,
ложь все это, чепуха.
У меня сидит в кармане
отощавшая блоха».

Спорят жарко, чуть не драку
затевают меж собой,
но сыскать и кодлой рака
не под силу им зимой.

Дед Иван сегодня утром
за ухой сказал мне так:
«Я, хотя не шибко мудрый,
знаю, где зимует рак.

Выдь на улицу зимою,
в небо глянь, а там средь звёзд
рак мохнатою клешнёю
держит окуня за хвост.

Каждый год об эту пору
в небесах живущий рак
потихоньку лезет в гору
и свистит там в свой кулак.

Только мы не слышим это.
Как на грех у нас с тобой
слух, настроенный на лето,
не работает зимой».

Да пейте. Это не порок,
нет ничего мудрее пива.
Пусть каждый выпитый глоток
пойдёт вам, непременно, впрок
и жизнь вам сделает красивой.

РАК

Всё о раке подчистую
знает мудрый наш народ:
с кем он спит и с кем ночует,
что он ест и что он пьёт.

Изучили все повадки,
разобрали по частям.
Все ужимки и хватки
до конца известны нам.

Лишь один секрет природы
не даётся нам никак,
любопытствуют народы:
где же всё ж зимует рак?

Докторов учёных стая,
нацепив очки на нос,
всё решают и решают
философский тот вопрос.

«Мне жизнь – не жизнь, поверь, Прасковья,
мне без тебя кругом беда.
Я буду сыт одной любовью,
скажи мне: «Да», скажи мне: «Да».

«И я люблю, того не скрою,
за предложение «Mersi».
Я стану жить, Иван, с тобою,
но ты обедать не проси».

То ль от Бога, то ль от супостата
цвет страны меняется порой.
Франция трёхцветная когда-то
стала однозначно голубой.

Выпиваю стакан чаю
и пьянею в стельку,
будто жизнь свою кончаю,
падая в постельку.

Валя пальчиком нажала
пчелке маленькой на жало.
Ты зачем её задела?
Получила? И за дело!

Если ваши папы асы,
то, всего скорее,
вы совсем не папуасы,
а народ с Кореи.

Сливались вместе вино с настойкой
и становились в пять раз хмельней.

А после слёзы текли по щёкам,
пытаясь так искупить грехи.
И все потоки сливались в строки,
ложась беспечно в мои стихи.

А их бесстрастно шептали губы,
ища надуманные слова.
Всё было глупо, противно, грубо,
что разболелась, вдруг, голова.

* * *

Ну почему никто не пьёт?
Да пейте, пейте, не стесняясь,
ведь пиво это не компот,
оно вам брюхо не порвёт.
Я головой за то ручаюсь.

Всё на столе – предел красы:
бокалы, рюмки и стаканы,
графины в капельках росы,
кувшины с талией осы.
Напитки в них благоуханны.

Но одна искра, вдруг, проплыла надо мной,
в ночь ушла, словно рыба под воду,
и на наших глазах, обернувшись звездой,
прицепилась к небесному своду.

* * *

Когда роса упала на цветы,
когда восток украсился рассветом,
меня с усмешкой, вдруг, спросила ты:
«Легко ли быть, скажи, женой поэта?

Меня всю ночь ты за руку держал,
читал стихи прекрасные, я знаю.
Но хоть бы раз меня поцеловал.
Ведь я не муза, я, поэт, живая».

* * *

Искал я губы твои губами
и языком облизал с них страх,
а ты, как яхта под парусами,
разбилась насмерть в моих губах.

И было сладко тебе и горько
от мыслей, чаяний и страстей.

Я его сегодня спас, ибо
не хотелось уходить без спасибо.

Ярко светит газ неон.
Этот что ли? Нет не он.

Она была красива и смела —
в единый миг обед смела.

Где-то были тут очки?
Да, не там, а туточки!

Люди гибли за металл,
а он окурки заметал,
и бабушка его с металла
пыль благородную сметала.

Говорят, что у непальцев
ни ногтей нет и ни пальцев,
и болят чело и веки,
но живут же человеки!

Над полями и лугами
ходит месяц, как бычок,
золочёными рогами
облака бодает в бок.

«Бестолковая скотина, —
Солнце машет головой, —
хоть берись за хворостину
да гони его домой!»

* * *

Сегодня Путин у меня в гостях.
Он президент огромнейшей державы,
он мне не друг, не брат, но и не враг,
глядит и, вроде, рассуждает здраво.

Он говорит: «Порядок навести
в России надо и в остатнем мире».
Я так люблю его, но, Господи прости,
есть ли порядок у него в квартире?

Н. Закусиной

Ночь. Темно. Мы сидим у костра,
обсуждая за новостью новость.
А в дыму из костра искры, как мошкара,
улетают и падают в пропасть.

Славно греет костёр, и горит, как заря,
и искрит, словно нож над точилом,
искры в бездну летят, пропадают зазря,
ни одной из них не пофартило.

Ах, судьбина, судьба, скольких ты подвела,
мы, ведь тоже, как искры летаем,
и сгораем дотла, на земле лишь зола
о минувшем печально вздыхает.

* * *

Заблудился я где-то во времени,
словно муха, увяз в сети.
И какого я роду-племени,
на каком нахожусь пути?

Бьют года меня, словно плетями,
а за что, не могу понять.
Меж какими двумя столетиями
я сумел себя потерять?

То ли режу моря каравеллами,
на Америку, правя курс,
то ли с «максимом» и парабеллумом
за народное счастье дерусь.

То ли грозная инквизиция
посылает меня на костёр,
иль родная, как мать, милиция
закрывает дверь на запор.

Мне бы курс проложить по компасу
иль свою отыскать звезду,
чтоб вела меня прямо к полюсу,
я к любому из них пойду.

Ну а там, где земля кончается,
где метель и скрипучий снег,
я ногами толкнусь отчаянно
и помчусь в двадцать первый век.

Холодной смерти желтизна
уже подёрнула деревья.
Хотя, казалось бы, весна
только вчера пришла в деревню.

И точно так же человек
едва успеет родиться,
как в тот же миг проходит век,
и смерть под дверью копошится.

Мы спешим по жизни.
Между прочим,
зря мы так отчаянно спешим.
С каждым днём шаги наши короче,
а в конце мы просто семеним.

Разъярилось жаркое Ярило,
всё сожгло, всех жадно оскопило,
даже небо прежде голубое
выцвело и стало никакое.

И подумать страшно! Этим летом
стали безголосыми поэты.
Только дворники, порядок зная,
с ног земли прах мётлами сметают.

Всю ночь бушевала природа,
а утром на день Покрова
желанную с детства свободу
уже получила листва.

Листочки теперь не холопки,
листы уже не холуи.
Лишь голые веточки робко
склонили головки свои.

* * *

Я давно уж вырос из пеленок,
всё имею: женщину и дом,
но готов заплакать как ребёнок
над своим измученным стихом.

Как так получается – не знаю,
да и слушать не хочу других,
но чем больше и сильнее страдаю,
тем красивей и нежнее стих.

* * *

Все мы, вроде, как сбоку припёка
у природы, как тут не верти.
Снова тучи затеяли склоку
у Христа на лазурной груди.

Хоть ругайтесь вы, хоть молитесь,
дождь продолжит свое бытиё.
Люди добрые, научитесь
отличать от чужого своё.

Принимайте спокойно и мудро
всё, что Бог нам на землю пошлёт.
Дождь пройдёт, словно ночь, будет утро,
будет солнце от Божьих щедрот.

Позабудьте про шаблоны, схемы...

У Витька особенный есть лоск,
он всю жизнь работал над поэмой
под названьем город Волгодонск.

А теперь и я хожу степенно,
головой верчу по сторонам:
написать так город, несомненно,
не сумел бы даже Мандельштам.

* * *

Я – бедняк просил у Бога,
дать чуть чуточку тепла.
Бог уважил, дал немного,
и мой дом сгорел дотла.

Я воды просил у Бога,
чтоб огонь залить помог.
Дал воды он мне немного –
всё что можно смыл поток.

Я хотел просить у Бога,
чтоб он хлеба дал рабу.
Но, подумавши немного,
я не стал пытаться судьбу.

Беспросветными злыми ночами
мне всё чаще мерещатся сны,
в них топчу я босыми ногами
изумрудную прелесть весны.

Не уеду из своей сторонки,
пусть об этом не мечтает враг.
Лучше с другом выпить самогонки,
чем с врагами распивать коньяк.

Душа заболела? Эка беда!
Скажу вам авторитетно.
Не будет душе от болезни вреда,
поскольку она бессмертна.

Я хожу, брожу по Волгодонску
взад-вперёд на дню десяток раз.
Я, клянусь, готов разбиться в доску,
чтобы удивить рассказом вас.

Не об улицах, домах и скверах,
не о всяких нужных пустяках,
не о дамах, ни о кавалерах —
их полно и в прочих городах.

Я хочу вам рассказать о друге,
о Витке Нагорном, побожусь,
его раньше знали все в округе,
строил город он, а значит Русь.

Строил Русь, а значит во вселенной
он оставил свой рабочий след.
Посмотрите, люди, несомненно,
здесь работал истинный поэт.

Он нашёл назначенные рифмы,
уложил их в строки кирпичей.
Ну, при чём здесь были логарифмы
и подсказки старых чертежей?

За строкой всюю бежали строчки,
помня про крепёж и метражи.
Запятые, буковки и точки
за день превращались в этажи.

«Зайди ко мне, – кричу, – вдвоём
мы посидим чуточек,
чайку цейлонского попьём,
напишем пару строчек».

А он в ответ мне: «Баламут,
работай над стихами,
на зов шедевры не идут,
они приходят сами».

* * *

Ты почему не смотришь на меня
и почему не говоришь ни слова?
В твоих глазах ни блеска, ни огня,
как у телёнка или у коровы.

Ты почему смеёшься не со мной
и почему проходишь мимо дома?
Быть может потому, что мы с тобой
не встретились, и значит, не знакомы?

* * *

У поэта есть прекрасный повод,
отмолить у Господа грехи,
рассказав про свой любимый город,
где так славно пишутся стихи.

* * *

Живут дворовые коты
и дворовые кошки.
Они такие же, как ты,
лишь похитрей немножко.

Они работать не хотят.
Зачем им тяжкий труд?
Они на солнышке лежат,
едят, что подадут.

Красиво жить — не запретишь,
хоть что тут говори.
Они кричат ночами с крыш
до утренней зари.

Пороки их не перечсть:
нагадил, смял, изгрыз...
Одно им оправданье есть —
в округе нету крыс.

* * *

По Романовской станице —
чок да чок —
едет девица девица-
казачок.

Помолись за Русь святую,
пусть Господь её, любя,
бережёт как мать родную,
даже если без тебя.

* * *

Казалось, что не солнце, а калач,
зажаренный хозяйкою в духовке,
на небо выползал бочком неловко
и медленно-премедленно, хоть плачь.

А тут ещё на ясный небосвод
надвинулись негаданные тучи,
и вот уже летят потоки вод
не ясно для чего с небесной кручи.

Вот так бездарно начинался день:
ни выйти погулять, ни поработать,
хотя на то и не было охоты,
верней сказать, вокруг царила лень.

* * *

Сижу, пишу, сжигаю нерв
огнём неопалимым.
Гляжу в окно, идёт шедевр,
но не ко мне, а мимо.

* * *

Опять идут корявые дожди
без перерыва, даже без просвета.
Ты только не печалься, подожди
всего чуть-чуть, и снова будет лето.

Придёт тепло, а следом и жара,
глаза зальёт солёным едким потом,
и вспомнишь ты холодное вчера,
и позавидуешь арктическим красотам.

* * *

Пишут разные витии
издавна из года в год
про свою любовь к России,
про российский наш народ.

Кто-то хвалит громко степи,
кто-то хлебные поля.
Всё, считают, перетерпит
наша мудрая земля.

Отрекись от словоблудий.
Если вправду ты поэт,
поклонись пониже людям
да не жди от них ответ.

Едет девица-девица
на коне,
веселятся две косицы
на спине.

Ей во след глядят с укором
старики:
«Ну дожили до позора,
казаки.

Носят девки кто фуражки
кто штаны.
Мужики им, сикарашкам,
не нужны».

А девчоночка хохочет
во весь рот:
«Ох, напрасно вы мутите
наш народ.

Мы любили бы сторицей
мужиков,
только нет у нас в станице
казаков.

То сидят по каталажкам,
то хмельны.
Вот и носим мы фуражки
да штаны».

От обиды чуть не плачет
дед Егор:
«Нам от этих казачек
лишь позор,

от таких вот вертихвосток
стыд и срам,
жить совсем уже не просто
казакам.

А мой внук, тебе замечу,
не такой,
защищает он далече
край родной.

Не боится он ни пулю,
ни беду». —
«Я сама его, дедуля,
честно жду».

По Романовской станице —
чок да чок —
едет девица девица-
казачок.

Едет девица-девица
на коне,
а за ней любовь, как птица,
в вышине.

* * *

Твердим одно, а думаем другое
и делаем всему на свете вопреки.
Мы говорим, мол, «время золотое»,
а тратим дни свои на пустяки.

* * *

Послушайте, поэты, мудреца,
совет его примите за основу:
ни одного красивого словца
в строку не ставьте вместо слова.

* * *

Я пил вино и горько плакал,
и слёзы капали в бокал.
Судьбу мне горькую оракул,
напротив сидя, предсказал.

Он шевелил слегка губами,
но жгли меня его слова,
и это дьявольское пламя
едва вмещала голова.

Прошли не дни уже, а годы,
в бокале не вино, а чай.
Я думал, минуют невзгоды.
Куда там! Вот они! Встречай!

МЫ

Есть вселенские умы,
правят нами всеми,
но, о том не зная, мы
никого не ценим.

И зачем нам те умы,
мы без них не плачем,
мы живём, и, значит, мы
сами что-то значим.

* * *

Не торопитесь в жёлтый дом,
а побродите по Парижу.
Там смерть шершавым языком
вас с удовольствием полижет.

В Париже множество чудес,
каких не встретишь в жёлтом доме,
там строят храмы до небес,
и веру строят на содоме.

Там будь хоть кем – всё хорошо,
твори, что хочешь – не зазорно,
гуляй, коль надо, голышом...
Там только русским быть позорно.

* * *

Я брожу с утра по городу –
по аллеям, паркам, скверам.
На ветру полощут бороды
там деревья-Гулливеры.

Ивы – девушки степенные –
расплетают косы скромно,
пухом белят всю вселенную
осокори беспардонно.

В этом царстве берендеевом
в теплоте и красках мая
я себя цветущим деревом
ближе к ночи ощущаю.

* * *

А сколько у поэта за душой?
Да ровно столько, чтобы быть собой,
ничуть не меньше, чем прожито лет,
изведано и радостей, и бед,
и ровно столько, сколько наповал
его завистник тайно убивал.
Так сколько у поэта за душой?
Сложи всё вместе, будет шар земной.
И где же время и где силы взять,
чтоб обо всём стихами рассказать?

РУССКАЯ СКАЗКА

Под Луною на поляне
камни искрятся во мгле.
Поздней ночью из гуляний
шёл мужик навеселе.

Для него хоть ночь, хоть вечер,
хоть рассвет, хоть тьма вокруг.
Видит он, идёт навстречу
стародавний лучший друг.

«Ну, пойдём, пойдём, дружище,
выпить нам с тобой пора.
Мы, я думаю, отыщем,
чем заняться до утра».

Пили, пили, гость хватился:
«Извини, друг дорогой,
я, видать, уже напился,
мне пора идти домой».

«Ну, куда идти по ночи,
оставайся, заночуй.
Завтра, ежели захочем,
мы продолжим сабантуй».

«Не проси меня об этом,
ночевать не против я.

Скажите мне без дураков,
имеем ли мы право
гулять, когда на казаков
устроена облава?

Не стыдно будет лапать жён,
сидеть за самогонкой,
когда на Волге сабель звон
и лай мушкетов звонкий?

Мы дома можем сохранить
тела, вернее, туши,
но мы рискуем загубить
свои казачьи души.

Кто хочет, пусть идёт домой,
а я – бить душегубов
вернусь на Волгу. Кто со мной?»
Все закричали: «Любо!»

Уже видны были платки,
счастливые подруги.
Но отвернулись казаки,
и повернулись струги.

На Волге царские полки
бьют вольницу казачью.

На Волге – смерть, на Волге – ад,
там кровь течёт водицей,
а на Дону что дом – то сад,
всяк волен словно птица.

По куреням их жёны ждут
с чернявыми глазами,
они и чарку поднесут,
и отдадутся сами.

Здесь можно беспечно жить,
укрыться от напасти:
гулять, работать и любить.
Да это ли не счастье?!

А вот уже и хутора,
рукой подать – станица.
Ну что ж, друзья, видать пора
нам всем остепениться.

Но поднял руку атаман:
«Друзья, хочу сказать я!
Клянусь, что вовсе я не пьян
и не рехнулся, братья.

Только ждут меня к рассвету
и родные, и друзья».

«Если так, садись на спину
молодого скакуна,
не догонят животину
ни господь, ни сатана».

Конь летит, преград не зная,
проскакал уже сто вёрст.
Боже, боже, мать родная!
Что такое? То погост.

Страшно тут. Кругом могилы,
жуткий вой голодных псин.
Загуляла злая сила...
Боже милый, упаси!..

* * *

Угодно было небу,
чтоб Гера в злую ночь
кормила грудью Гебу –
божественную дочь.

Кормила, как из рога,
ребёнка в два соска.
У мамы, слава Богу,
довольно молока.

И как-то так случилось,
что тонким ручейком
с небес на луг пролилось
богини молочко.

Никто б и не заметил
подарок с высоты,
когда б на месте этом
не расцвели цветы.

И небыли, и были
сложил о них народ.
Цветы людей любили,
и их любил наш род.

Их девушки вплетали
в свой свадебный наряд,
и чистотой блистали
их души, говорят.

Когда же уходили
солдаты воевать,
они цветы дарили
тем, кто их будет ждать.

Летели дни и честно
в мучениях лихих
и жены, и невесты
с цветами ждали их.

а какой-то заморский палач
ему спину сгибает в калач.

И смеётся над ним царь-батюшка:
«Ну, попробуй чужого оладышка».

Точно в шею нацелился вор,
не подвёл его острый топор.
С плеч, как квочка, слетела башка,
и валяла она дурака.

Тут рассвет пришёл мелкой поступью.
Ты прости нас всех, прости, Господи!

* * *

А на Дону, а на Дону
спокойствие и воля.
Здесь люди часто в старину
свою искали долю.

А нынче ветер по волнам,
как щепки, гонит струги,
в переднем струге атаман
с товарищи и други.

Молчат казачьи вожаки,
а казаки — тем паче.

Наш народ палачей не жалует,
а вот батюшка царь прижаливает.

На помосте палач том – глава,
вверх – топор, вниз – топор, голова
покатилась по доскам сама,
как капуста кочан в закрома.

Палача царь не даром задариват –
нелегко службу несть государеву.

А домой, как со службы придёт,
выпьет водки стакан наперёд,
посидит, а потом из горла
до чертей насосётся бухла.

У царя-то немало работников,
только стать палачом нет охотников.

А страна-то в полсвета страна
и кого-то бояться должна:
кто царя, кто попа-пузача,
но сильнее всего – палача.

Царь глядит на него: «Пусть балуется»,
царь и сам палача побаивается.

Палачу спяну грезится сон,
будто стал лютым врагом он,

С тех пор весной и летом
цветут всюду цветы,
как знак любви и света,
как символ чистоты.

Растёт цветок красивый
в моём краю, в лесу.
Сорву его и милой
домой я принесу:

«Прими подарок чистый,
любимая жена,
будь светлой и душистой,
и будь всегда верна».

В ответ мне скажет милая:
«Спасибо, муженёк,
лесная наша лилия –
любимый мой цветок».

* * *

Улыбнись, моя душа,
подой корову,
дай напиться из ковша
молока парного.

Сядь со мной, поговори,
хоть про то, про это.

Губы, словно две зари
на вершине лета.

Посидим да поглядим,
вспомним про былое.
Отчего в твоей груди
сердце ледяное?

Если жалко молока,
принеси водицы,
на селе у нас пока
всем дают напиться.

Не желаешь рядом сесть,
станем у ограды.
Для меня и это – честь,
лучшая награда.

А не хочешь говорить,
помолчи со мною.
Помоги мне растопить
сердце ледяное.

* * *

«До свиданья, дядя Коля».
«Подожди, Сашок.
А давай-ка выпьем что ли
мы на посошок».

* * *

Мистер Твистер сделал стойку,
завертел хвостом, как пёс,
это значит, на помойку
кто-то барахло принёс.

Мистер Твистер не мальчишка,
ум его под стать годам.
«Соберу-ка барахлишко,
приберу его к рукам.

То, что взято, то и свято,
что нашёл – тому и рад.
Ведь берут же бюрократы:
всякий тащит – всякий хват.

Слышал, Украину слили.
Её лучшие друзья
тут же всю и растащили.
Ну, а чем же хуже я?»

* * *

Жил в столице когда-то палач,
на плечах, как пожар, красный плащ,
а на красном лице борода,
словно чёрная сковорода.

* * *

Стала тёмною дорога,
как свирель, звенит капель,
жить осталось вам немного,
холода, в своих чертогах,
в дверь уже стучит апрель.

* * *

Шампанское, свечи,
новый наряд,
голые плечи,
восторженный взгляд.

Как всё красиво,
пой и пляши!
Вечер счастливый,
все хороши.

Ночь чёрной птицей
бьётся в окно.
Свечка дымится,
скисло вино.

Всё под луною —
горечь и яд.
Грязной рукою
испачкан наряд.

Я упёрся, ни в какую:
«Надоело пить,
трудно голову больную
на плечах носить».

«Боль не боль, когда по пьяни,
плюнь на пустяки.
Мы ж с тобою россияне,
мы же мужики».

«Ну, тогда, любимый дядя, —
снова говорю, —
выпьем уж приличья ради,
лишь по стопарю».

Захрустел грибок солёный.
Ох, и сладкий звук.
Лучше всяких граммофонов
и любовных мук.

А пока я гриб смакую,
дядя Коля мой
наливает стременную,
мол, закон такой.

Хорошо идёт под сало
и под карася.
Жаль, что водки было мало,
быстро вышла вся.

* * *

Я иду хмельна,
а куда – не знаю.
Ночь темным-темна,
словно туча злая.

Мне б найти приют,
чтоб укрыться малость,
но таких не ждут
ни тепло, ни жалость.

Звёзды, как янтарь
на девичьей шее,
и луны фонарь
никого не греют.

Слёзы, как поток,
льют и льют без меры.
Кружевной платок
стал сырым и серым.

Я к реке пойду
на высокий берег,
там свою беду
изживу без денег.

Ты скажи своим подругам,
что старик не просто старец,
а твой дедушка любимый –
фронтовик и кавалер,
коммерсант же из Стамбула
никакой не иностранец,
а простой соседский парень
без минуты инженер.

Не забудь и про матроса,
приходил, мол, на побывку
морячок один знакомый,
с ним со школы мы друзья.
Ну-ка, девочка из Тулы,
одари меня улыбкой,
и матросской бескозыркой
помашу до встречи я.

* * *

Пишутся стихи, семья моя довольна,
хочется летать и долго-долго жить.
Родина моя, свободна и привольна,
как, скажи, тебя такую не любить!

* * *

Много всяких спекуляций
вокруг девочки из Тулы:
то живёт она с каким-то
безобразным стариком,
то гуляет где-то в Сочи
с коммерсантом из Стамбула,
то на яхте отдыхает
с незнакомым моряком.

Не грусти, не плачь, подруга,
плюнь на эти пересуды.

Люди всякие бывают,
есть, что вовсе без души.
Не губи свою мордашку,
глазки цвета незабудок,
у тебя они большие,
словно звёзды, хороши.

Твои губки с переливом
драгоценных самоцветов
чуть припухли от обиды,
как от ярости пчелы.
Успокойся и не думай,
в девятнадцатое лето
все должны без исключения
быть милы и веселы.

Там найду приют,
схоронюсь былинкой,
птицы пусть клюют
моё сердце-льдинку.

Ночь – начало зла.
Хорошо, хоть речка
для меня зажгла
в тёмных водах свечку.

* * *

Говорит хозяин: «Надо,
всем идти на смертный бой».
Я иду на баррикады,
он, естественно, домой.

Говорит хозяин: «Что ты
тут сидишь, ядрёна мать?»
Я помчался на работу,
он, естественно, в кровать.

Говорит хозяин просто:
«Смерть твоя пришла с косой!»
Я отправился к погосту,
он, естественно, за мной.

* * *

Идёт по улице корова,
шагает бодро и легко,
маршрутом города большого
несёт кому-то молоко.

«Куда идёшь, спешишь, бурёнка,
ты не туда, видать, зашла?»
«Я молоко несу ребёнку,
и в этом все мои дела».

«Остановись ты! Понимаешь,
здесь не положено блукать!»
«Куда иду? Пока не знаю.
Но надо мне идти. Я – мать».

* * *

Холодный ветер робкий лес
раздел обманом,
и листья падали с небес,
как будто манна.

Седая туча, сгоряча,
дохнула снегом
и завалила невзначай
всё белой негой.

Сегодня вечером мороз
придёт с визитом,
проверит с толком и всерьёз –
всё ль шито-крыто.

А как разведает, тогда
пойдут лихие
скитаться злые холода
по всей России.

* * *

Отмахнул руками беды,
прыгнул на велосипед,
по степи всё еду, еду,
ни конца, ни края нет.

Еду влево, еду вправо,
без тропинок и дорог,
а вокруг кусты и травы,
небо светлое и Бог.